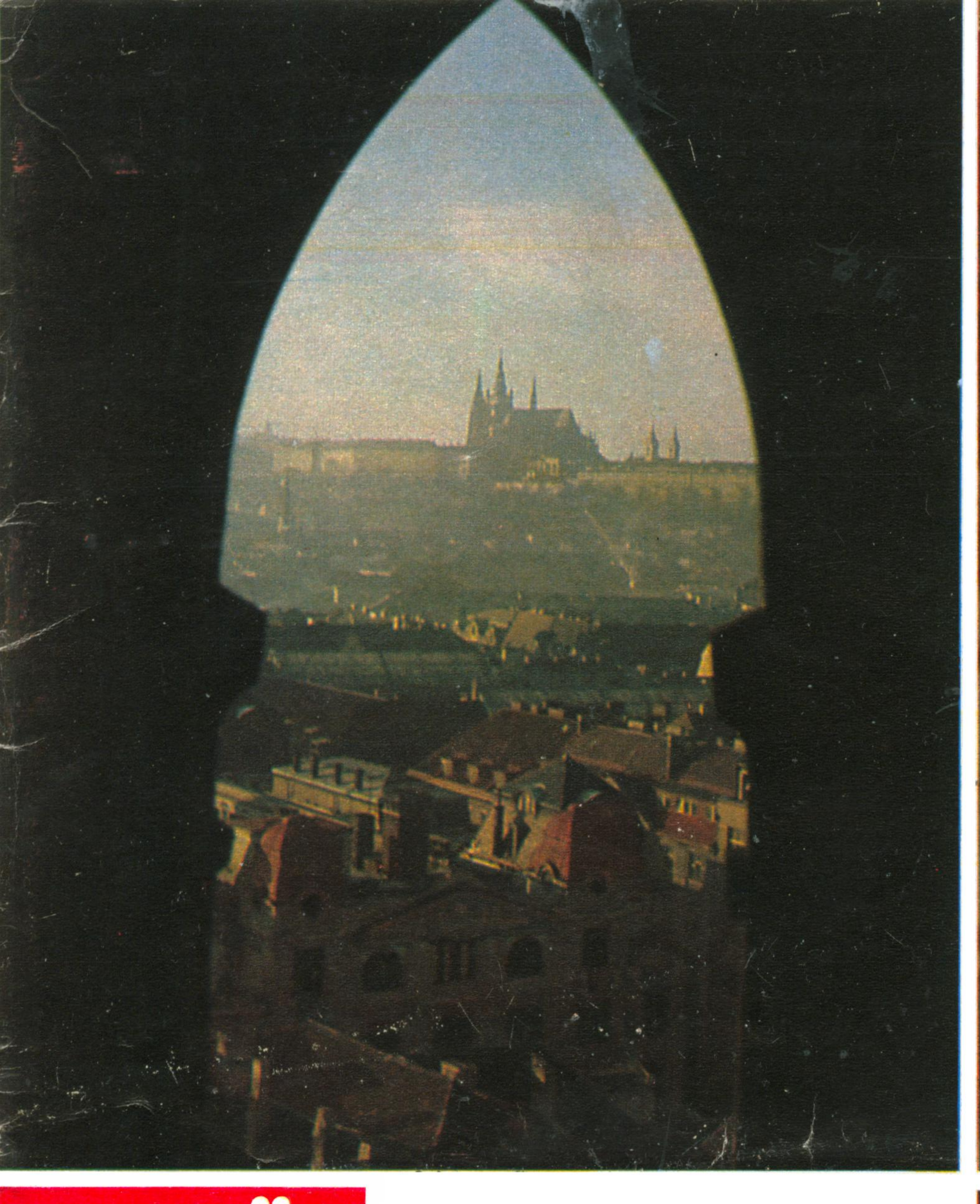
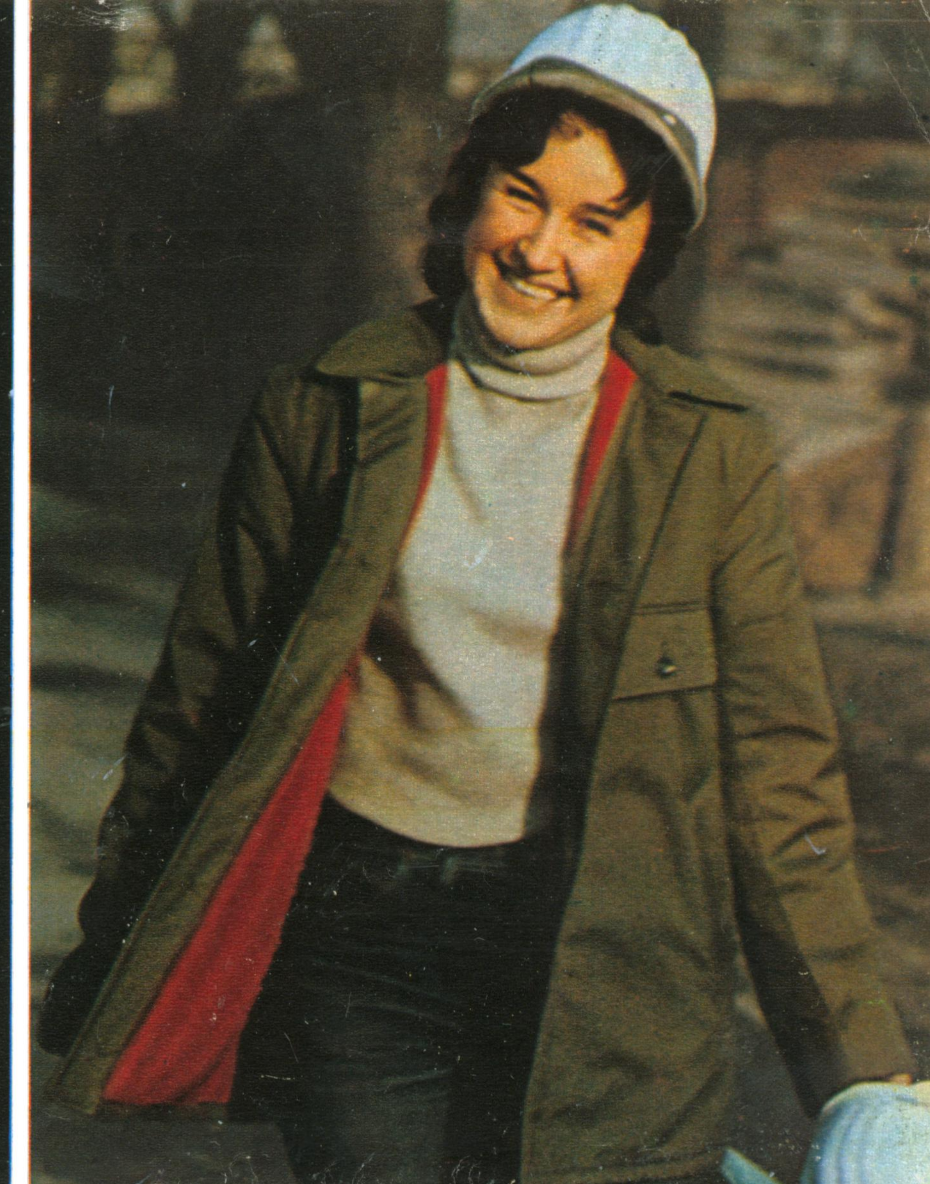
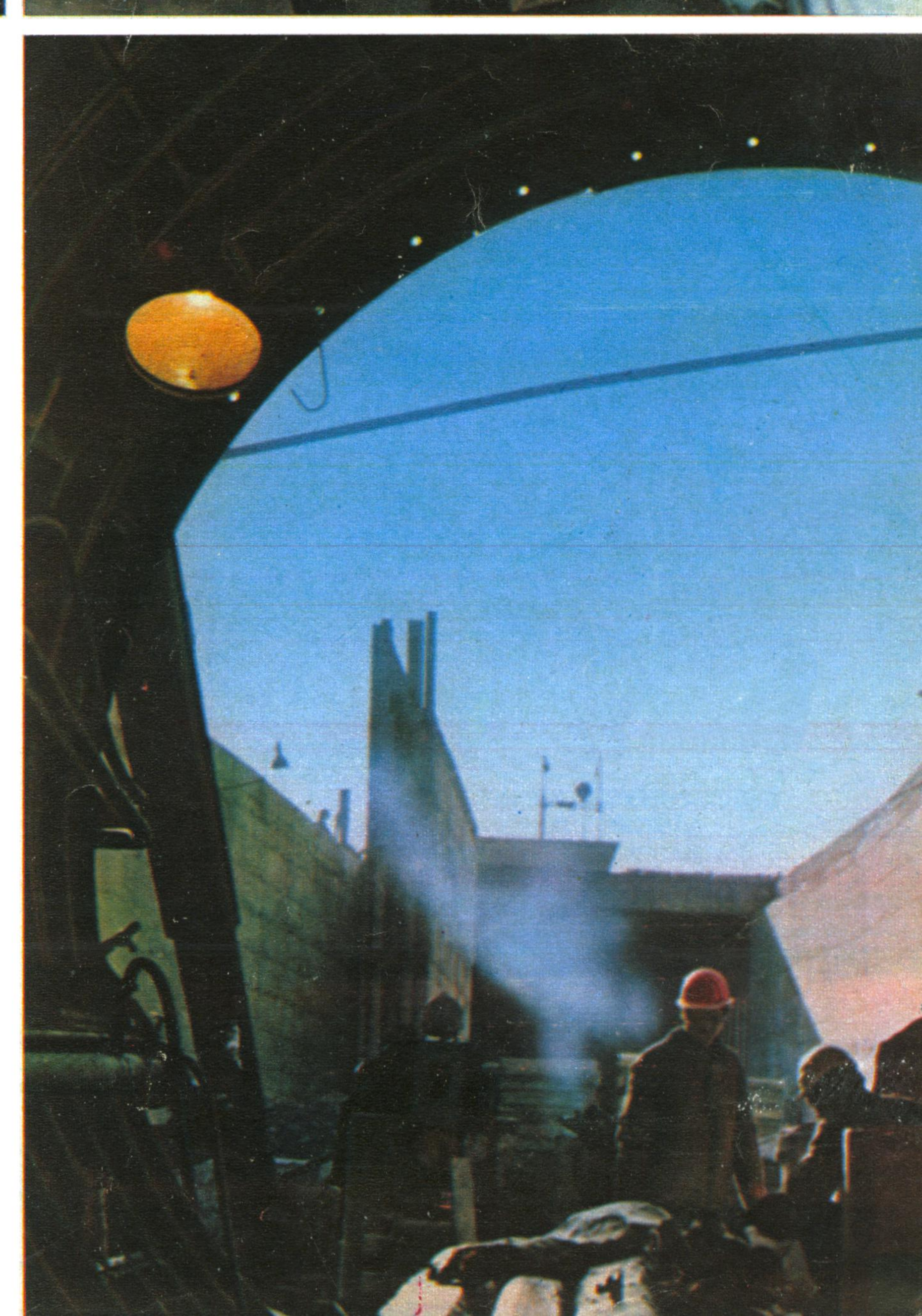

БРАТСКУЮ СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ ЧЕХОСЛОВАКИЮ ПОЗДРАВЛЯЕМ С 25-ЛЕТИЕМ ФЕВРАЛЬСКОЙ ПОБЕДЫ ТРУДЯЩИХСЯ!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 8 (2381)

17 ФЕВРАЛЯ 1973

Растет главный корпус электростанции «Тушимице-2» (см. репортаж «Тушимицкий диалект»). Фото Ю. Кривоносова.

Л. И. БРЕЖНЕВ,
Генеральный секретарь ЦК КПСС:

«ИСТОРИЧЕСКИМ ПОДВИГОМ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО РАБОЧЕГО КЛАССА СТАЛ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ФЕВРАЛЬ 1948 ГОДА. ПОД РУКОВОДСТВОМ СВОЕЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ТРУДЯЩИЕСЯ ЧЕХОСЛОВАКИИ, ВЗЯВ ВЛАСТЬ В СВОИ РУКИ, РЕШИТЕЛЬНО И БЕСПОВОРОТНО ПОВЕРНУЛИ РАЗВИТИЕ СТРАНЫ НА СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ПУТЬ».

Товарищи Г. Гусак, Л. И. Брежнев, Л. Свобода в президиуме во время закрытия XIV съезда Коммунистической партии Чехословакии.
Фото В. Мусаэльяна (ТАСС).

ГУСТАВ ГУСАК,
Генеральный секретарь ЦК КПЧ:

«В РЕЗУЛЬТАТЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ ПОБЕДЫ В НАШЕЙ СТРАНЕ БЫЛА ОКОНЧАТЕЛЬНО УСТАНОВЛЕНА ВЛАСТЬ РАБОЧЕГО КЛАССА И ТРУДОВОГО НАРОДА И ОТКРЫТ ПУТЬ ДЛЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ ОБЩЕСТВА, НАМЕЧЕННОЙ ГЕНЕРАЛЬНОЙ ЛИНИЕЙ IX СЪЕЗДА НАШЕЙ ПАРТИИ. КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ЧЕХОСЛОВАКИИ МОГЛА ДОБИТЬСЯ ЭТИХ ПОБЕД ПОТОМУ, ЧТО ОНА ТВОРЧЕСКИ ПРИМЕНЯЛА ЛЕНИНСКУЮ СТРАТЕГИЮ И ТАКТИКУ В БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ РАБОЧЕГО КЛАССА, СОЗДАВАЛА ШИРОКИЙ СОЮЗ РАБОЧЕГО КЛАССА, КРЕСТЬЯНСТВА И ДРУГИХ ТРУДЯЩИХСЯ, СТАВШИЙ РЕШАЮЩИМ ОБЩЕСТВЕННЫМ ФАКТОРОМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ, И ЧТО ОНА ОПИРАЛАСЬ НА ТЕСНЫЙ СОЮЗ С СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ».

9 февраля работники Аэрофлота вместе со всей страной отметили 50-летие гражданской авиации СССР. В Кремлевском Дворце съездов состоялось торжественное собрание, посвященное этой знаменательной дате.

Горячими аплодисментами встретили собравшиеся товарищей Л. И. Брежнева, А. П. Кириленко, Ф. Д. Кулакова, К. Т. Мазурова, Н. В. Подгорного, Д. С. Полянского, М. А. Суслова, А. Н. Шелепина, П. Е. Шелеста, Ю. В. Андропова, Д. Ф. Устинова, В. И. Долгих, И. В. Капитонова, К. Ф. Катушева.

С речью выступил тепло встреченный участниками собрания член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный.

Товарищ Н. В. Подгорный огласил Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Аэрофлота орденом Октябрьской Революции и под бурные аплодисменты собравшихся прикрепил орден к знамени Аэрофлота.

С докладом «50-летие гражданской авиации СССР» выступил министр гражданской авиации Б. П. Бугаев.

На снимке: Москва. Кремлевский Дворец съездов. Вручение ордена Октябрьской Революции Аэрофлоту.

Фото А. Пахомова.

ГОД ТРЕТИЙ, РЕШАЮЩИЙ...

«СТРОИТЕЛИ — МОЛОДЦЫ»

В советской печати было опубликовано приветствие Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР в адрес коллективов строительных организаций и предприятий легкой, пищевой, мясной и молочной промышленности Ленинградской, Новгородской, Донецкой и Витебской областей. ЦК КПСС и Совет Министров СССР горячо поздравили строителей и эксплуатационников с большой трудовой победой — успешным выполнением социалистических обязательств, принятых на 1972 год, по ускоренному вводу в действие производственных мощностей. С опережением установленных сроков введены в эксплуатацию новые производства на гардинно-кружевной, ситценабивной фабриках и заводе искусственного волокна в Ленинграде, шелковом комбинате в Витебске, льнокомбинате в Орше, фарфоровом заводе в Дружковке. В результате напряженной работы вошли в строй действующих первая очередь хлопчатобумажного комбината в Донецке, завод белковой колбасной оболочки в Луге, Торезский, Красноармейский, Новгородский комбинаты мясной и молочной промышленности.

НОВГОРОД

Корреспондент «Огонька» Н. Верина позвонила по телефону на Новгородский мясокомбинат и попросила главного инженера **В. Д. Браташова** рассказать о том, как молодое предприятие осваивает производственные мощности.

— Наш комбинат по мощности, так сказать, середняк — рассчитан на производство пятидесяти тонн мяса в смену. Уже в январе мы выпускали по сорок с лишним тонн продукции за смену. Пока даем потребителю только мясо, а потом станем перерабатывать жир, шкуры, делать мясокостную муку.

Большим подспорьем для хозяек будут изделия мясоперерабатывающего корпуса, или, как мы его зовем, колбасно-кулинарного. По плану он должен выдать первую продукцию в четвертом квартале нынешнего года. Но мы взяли обязательство ввести его в действие к 7 ноября. Постараемся, чтоб в праздничные дни жители Новгорода отведали сырокопченую и полукопченую колбасу, сосиски и полуфабрикаты, изготовленные на нашем комбинате. А когда освоим мощности полностью, сможем поделиться вкусной продукцией с другими городами.

Сейчас у нас горячие дни: период освоения, даже если все идет гладко, требует немало сил и хозяйского догляда — тут ведь все по-новому. Раньше в Новгороде был маленький мясокомбинат, и новый создавался, так сказать, на его базе. И рабочие остались прежние, и старый колбасный цех еще действует. Но здесь, на новом, все масштабнее, мощнее, оборудование современное. И коллектив вырос вдвое. Новых рабочих мы обучали на старом комбинате, все свои, новгородские. Вот только специалистов с высшим образованием пригласили из других городов.

Горячие дни будут у нас, похоже, до конца года: хотим все освоение закончить досрочно. И железнодорожные пути подвести полностью и территорию как следует благоустроить. Здания у нас современные, красивые, а это обязывает, нужно, чтоб и все вокруг им соответствовало.

— Владимир Дмитриевич, скажите, коллектив доволен работой строителей?

— Строители — молодцы! Спасибо им за все. Качественно сделали, потрудились на славу. Когда приходишь из старого комбината сюда, в новый, ощущение разительное: там помещения тесные, подслеповатые, а здесь цеха распахнуты вширь и ввысь, нарядные, залитые светом, и дышится в них легко. И оборудование — все отечественное! — не чета старому, высокопроизводительное, на уровне современных стандартов. Рабочие трудятся здесь с удовольствием. Вот мы и решили недавно на своем митинге: освоим мощности досрочно.

ДОНЕЦК

Из Донецка нам сообщает заведующий строительным отделом газеты «Социалистический Донбасс» В. Волков.

На юго-западной окраине города Донецка раскинулась грандиозная строительная площадка. Здесь сооружается необычное для края угля и металла предприятие — хлопчатобумажный комбинат: это четыре фабрики под одной крышей. Около 80 миллионов погонных метров тканей в год будет давать к концу пятилетки это — одно из крупнейших на Украине — предприятие, сооружение которого предусмотрено Директивами XXIV съезда КПСС.

Строители треста «Донецкметаллургстрой» и 30 субподрядных организаций, возводящих комбинат, в прошлом году в числе других коллективов Ленинградской, Новгородской, Донецкой и Витебской областей стали инициаторами всесоюзного социалистического соревнования за досрочный ввод в эксплуатацию производственных мощностей в легкой, пищевой, мясной и молочной промышленности. И слово свое они сдержали. Прядильная фабрика № 1 вступила в строй досрочно. На митинге, посвященном пуску фабрики, прядильщица Л. В. Алакоз от имени всего коллектива дала слово освоить проектную мощность раньше запланированного срока.

Как идут сегодня дела у молодого предприятия? Первый месяц напряженного труда увенчался успехом: задание выполнено по всем технико-экономическим показателям.

— Нас,— говорит директор комбината Геннадий Николаевич Кисаров,— ожидают большие трудности. Мало у нас опытных специалистов. Если, скажем, рабочих готовим на родственных предприятиях республики и в своем производственно-техническом училище, то гораздо сложнее дело обстоит с мастерами. Рассчитываем на действенную помощь Министерства легкой промышленности УССР. Однако коллектив готов к июлю 1974 года, как это и предусмотрено нашими обязательствами, выйти на проектную мощность.

Текстильщики хорошо отзываются о работе монтажников. В сжатые сроки с высокой точностью они установили ровничные, чесальные машины и другое оборудование. Это позволяет с первых дней работать ритмично.

БЕЛОРУССИЯ

ПОИСК ВЕДЕТ К ВЕРШИНАМ

225 миллионов электроламп различного назначения — такова проектная мощность Брестского электролампового завода, освоение которой намечено было на последний год пятилетки. Коллектив взял обязательство: освоим досрочно! И в январе завод выпустил почти 20 миллионов ламп, на 320 тысяч больше плана.

Есть еще один примечательный итог социалистического соревнования в цехах: сейчас 99,8 процента ламп рабочие сдают с первого предъявления.

Поиски резервов увеличения производительности труда, улучшения качества продукции, снижения себестоимости идут широким фронтом. Начальник цеха сборки ламп Георгий Николаевич Чирко, конструкторы Анатолий Владимирович Болдырев, Владимир Иванович Кулаков механизировали загрузку никелевых вставок в автомат сборки ламп. И это сразу дало большой выигрыш времени и средств.

Пристально приглядывались новаторы из Бреста к делам друзей на Калашниковском электроламповом заводе в Калининской области. Поинтересовались их способом изготовления колб для автомобильной лампы на автомате «Айвенго». Понравилось, способ хороший. А нельзя ли и его усовершенствовать? На заводе механизировали процесс передачи колб на автомат. Производительность труда повысилась.

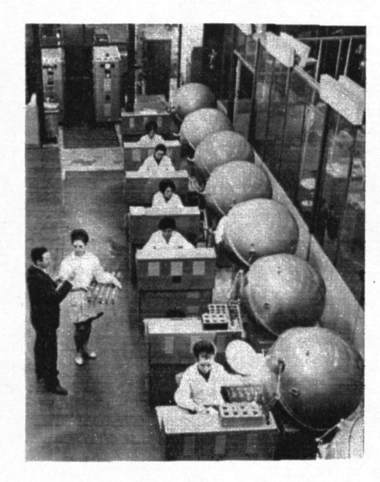
Много новинок готовят сейчас на заводе. И миниатюрные 60-ваттные лампы для коммутаторов связи и большие сувенирные лампы. Идет разработка фарной автомобильной лампы «европейский луч», отвечающей самым высоким современным требованиям.

И еще одно почетное задание: разработать и пустить в производство лампы для автомобилей КамАЗ.

Н. РАШЕВСКИЙ,
заведующий сектором печати, телевидения и радио Брестского обкома партии

На снимке: испытательный стенд на Брестском электроламповом заводе.

Фото В. Германа.

ТАДЖИКИСТАН

ДВОЙНОЙ ПРАЗДНИК

На Душанбинской чулочно-носочной фабрике подведены итоги социалистического соревнования за первый месяц третьего года пятилетки. Среди лидеров — бригада коммуниста Николая Меликсетова, носящая почетное звание имени 50-летия СССР. План выполнен на 127 процентов. Победителей тепло поздравляли и желали им: так держать!

Так держать — значит продолжать поиски резервов, совершенствовать технологию. Меликсетов должен обеспечивать бесперебойную работу 18 машин. А он управляется с 35. Тут и бережное отношение к каждой минуте рабочего времени и постоянный поиск: «А нельзя ли сделать вот так?..»

Как-то Меликсетов после долгих экспериментов предложил сократить один из элементов вязки. Но к нему все настолько привыкли, что предложение бригадира показалось по меньшей мере легкомысленным.

Меликсетов доказал, что сократить можно. И без всякого ущерба для качества вязки. Маленькое это усовершенствование сразу сказалось на производительности труда. И теперь Николай Меликсетов собирается увеличить число обслуживаемых им машин.

...В цехе так заведено: перед началом смены рабочие и работницы толпятся у красочно оформленной доски показателей социалистического соревнования. Утром узнаешь, как работала твоя бригада вчера. Против фамилии Меликсетова в январе почти каждый день появлялись такие цифры: 1 080—1 100—1 120... Это — количество изделий. А норма — 830.

Тут все как на ладони. Всем ясно, кто впереди. Без особого труда в бригаде Меликсетова подсчитали, что уже вплотную подошли к последнему рубежу пятилетки. И когда рабочих поздравляли с первой победой в соревновании, то, по существу, отмечали двойной праздник: бригада работает в счет последних дней мая 1975 года. Маленький трудовой коллектив рассчитывает выполнить пятилетку в два с половиной года.

Елена МЕЛИХОВА,
сотрудница газеты «Коммунист Таджикистана»

«С успехом вас, товарищи!» — бригаду Н. С. Меликсетова поздравляет секретарь парткома Л. И. Прокофьева.

Фото Н. Софьина.

НЕИЗБЫВНАЯ СЕРДЕЧНОСТЬ

Праздник в Московском Художественном театре!.. Праздник бесчисленных почитателей несравненного таланта одной из самых прекрасных его актрис — Аллы Тарасовой. И, конечно же, прежде всего праздник самой Аллы Константиновны, чье вдохновенное искусство и более чем полувековое беззаветное служение родному театру, выдающиеся заслуги в развитии всей советской театральной культуры увенчаны ныне высочайшей наградой Родины — званием Героя Социалистического Труда.

А. Тарасова вошла в жизнь не одного поколения зрителей МХАТ; созданные ею образы русских женщин стали неотъемлемой частью духовного богатства народа. С именем Тарасовой навсегда связаны красота души, сила воли, волнующие всплески счастья и горя, надежд и страданий ее героинь.

— На мою долю актрисы,— говорит А. К. Тарасова,— выпала радость сыграть женщин, написанных величайшими русскими художниками — Толстым, Островским, Чеховым, Горьким. Играя их, мне хотелось создать монументальные образы русских женщин, воплотить их нравственную красоту и жертвенную силу.

Это желание Алла Константиновна не просто выполнила, переиграв множество классических ролей. Каждый раз, выходя на сцену либо творя перед кинокамерой, она поистине начинала жить мыслями и чувствами своих героинь: вместе с ними она любила, мечтала, страдала, боролась за счастье, гибла и снова поднималась на борьбу...

Каким же должно быть щедрым и отзывчивым сердце актрисы, сумевшее вместить в себя столько человеческих страстей!

Мужественно надеялась на лучшую долю ее Соня в чеховском «Дяде Ване»; обреченно томилась среди окружающей пошлости актриса Негина в «Талантах и поклонниках». Другая актриса — Татьяна Луговая во «Врагах» Горького — напряженно искала выхода из мрачной действительности, тянулась к другим, лучшим людям... Под стать ей по своим устремлениям и Варвара в «Дачниках»... А вот еще одна горьковская пьеса — «На дне»... Здесь отчаянно рвется к чистой любви и правде Настя, брошенная на самое дно жизни...

Ярким светом озаряла Тарасова судьбу чеховской Маши из «Трех сестер», показывая большую, но не принесшую радости любовь ее к Вершинину... Несчастливой оставалась и Юлия Тугина — такая великодушная и светлая у Тарасовой в «Последней жертве» Островского.

И все это — одна актриса, Тарасова, с ее точеным, одухотворенным лицом, с ее неповторимым, проникающим в душу голосом, с ее захватывающим темпераментом и тонким, поэтическим лиризмом...

Здесь обозначены лишь наиболее значительные вехи сценического пути Аллы Константиновны в русском классическом репертуаре. А ведь еще были у нее такие вершины, такие взлеты жизни человеческого духа и в кино, как трагическая Катерина («Гроза»), исполненная внутреннего благородства и нравственной силы Кручинина («Без вины виноватые»). Кстати, последнюю из этих ролей Тарасова и по сей день играет на сцене Художественного театра.

Блистательно воплотила Тарасова образ Анны Карениной в инсценировке одноименного романа Л. Толстого; поистине невозможно забыть это художническое откровение!.. Мощно, страстно актриса утверждала живые, естественные чувства любящей женщины, матери; передавала силу трагического бунта этой цельной, чистой и честной натуры против лицемерия и грязи великосветской среды.

Но не только классикой славна артистическая судьба Тарасовой. Главенствующую в ее творчестве тему русского женского характера с присущей ему жизненной активностью и волей, нравственной стойкостью, богатством и яркостью чувства она также пронесла и через все образы своих современниц. В их новых социальных чертах, новых великолепных духовных качествах А. Тарасова утверждает яркие приметы сегодняшнего народного характера. Выразительно и сердечно рисует актриса облик героинь, борющихся за построение социализма и коммунизма.

— Их простая и прекрасная жизнь,— говорит Тарасова,— достойна того, чтобы о них говорили громко, во весь голос, хорошими, искренними словами.

Именно так рассказывала актриса о Маше, жене Пеклеванова в «Бронепоезде 14-69» Вс. Иванова, о коммунистке Макаровой в «Страхе» А. Афиногенова, о военвраче Лизе Муравьевой в «Победителях» Б. Чирскова, о матери большой рабочей семьи Софье Кичигиной в пьесе В. Лаврентьева «Чти отца своего»...

Роли... Роли... Роли... Бесконечное человеческое и социальное разнообразие характеров! Оно требует неувядаемой свежести дарования, глубины и отточенности мастерства, неиссякаемого трудолюбия и общественной активности. И все это в полной мере свойственно народной артистке Советского Союза Алле Константиновне Тарасовой.

Товарищ ее по работе в МХАТ Борис Николаевич Ливанов сказал однажды, что художнический облик Тарасовой видится ему ярким примером того, каким должно быть искусство русской советской актрисы, искусство театра реалистического, гражданственного.

Н. ЛЕЙКИН

ХАРТИИ ДРУЖБЫ

Валентин **АЛЕКСАНДРОВ**

Четверть века назад Советским Союзом были заключены договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с Румынией (4 февраля), Венгрией (18 февраля) и Болгарией (18 марта).

Минувшее двадцатипятилетие позволило в полной мере выявить историческую важность братских союзов. Договоры между социалистическими странами, которые Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев назвал подлинными хартиями дружбы, способствовали успешному формированию нового типа международных отношений — отношений интернационализма, солидарности, братского доверия и искреннего уважения.

Связи между странами социализма стали гораздо шире, наполнились новым содержанием. Сложились различные формы многостороннего сотрудничества, прежде всего в рамках организации Варшавского Договора и Совета Экономической Взаимопомощи. Обычный товарооборот сочетается с более сложной системой отношений — экономической интеграцией. Круг внешнеполитических проблем, требующих координированного взаимодействия стран социализма, также сильно изменился.

Все это обусловило необходимость обновления договоров. В 1967 году были заключены новые договоры Советского Союза с Народной Республикой Болгарией и Венгерской Народной Республикой, а в 1970-м — с Социалистической Республикой Румынией.

В этих новых документах закреплено и развито все то, что с первых дней народного строя отличало отношения между нашими странами и было отражено в первых договорах, — равноправие, суверенитет и независимость, а вместе с тем взаимодействие, взаимопомощь.

Договоры Советского Союза со странами социализма сплачивают и укрепляют мировое социалистическое содружество как единый организм, помогают на коллективной основе решать международные проблемы, задачи обеспечения социалистических завоеваний. Агрессивной политике империализма союз социалистических стран противопоставляет политику активной защиты мира и укрепления международной безопасности.

Заключение договоров о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между нашими странами способствовало формированию долгосрочных торгово-экономических связей в различных отраслях производства. Такого рода связи позволили углубить процесс международного социалистического разделения труда, специализировать и кооперировать производство.

Благодаря взаимному техническому сотрудничеству стран социализма в государствах — членах СЭВ за последние 20 лет было построено более тысячи крупных предприятий. Среди них такие, как Кремиковский металлургический комбинат (Болгария), Дунайский нефтеперерабатывающий завод (Венгрия) и другие.

Плоды умножения сил братских социалистических стран благотворно сказываются на делах производственных коллективов и целых отраслей народного хозяйства, на судьбах миллионов тружеников. Прокладываются магистральные пути в будущее, к созданию, как предвидел В. И. Ленин, «единого, по общему плану регулируемого пролетариатом всех наций, всемирного хозяйства как целого...».

Немаловажное значение установившееся сотрудничество имеет для экономики братских стран. Об этом убедительно свидетельствует, в частности, пример Болгарии. За годы народной власти, как отметил член Политбюро ЦК БКП, председатель Совета Министров НРБ С. Тодоров, при участии Советского Союза в НРБ построено 180 крупных заводов и различных предприятий, на которых производится преобладающая часть промышленной продукции страны.

Машины, станки, автомобили, тракторы, железнодорожные вагоны, электрокары — все это и многое другое поставляют сегодня на мировой рынок социалистические Болгария, Венгрия, Румыния — страны, которым капитализм сулил незавидную участь огородов Европы.

Есть почти в самом центре Бухареста музей румынской деревни, в котором собраны образцы строений со всей страны. Когда смотришь на убогие землянки или мазанки, еще не так давно составлявшие основную часть жилищ в сельской местности, и сравниваешь их с нынешним обликом румынских деревень, нельзя не радоваться успехам друзей в преобразовании жизни трудового человека. Эти успехи доставляют тем большее удовлетворение, что они отражают результаты нашей совместной работы, нашего общего продвижения по пути социализма.

Если под влиянием сотрудничества социалистических стран крепнет их экономика, повышается жизненный уровень трудящихся, если растет могущество мировой системы социализма в целом, если в Европе удается обеспечить мир, то, конечно, в этом немалая заслуга социалистических международных договоров. Безусловно, воздействие наших договоров на жизнь социалистических стран, на общую обстановку в мире и впредь будет продолжать расти.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ПЕРВ

Юрий ГРИБОВ

Фото автора.

Эти снимки я сделал в Ханое в первые дни мира.

Еще двадцать четвертого января, ночью, здесь стало известно: соглашение о прекращении войны парафировано. Спать не ложились. А в седьмом часу утра всех иностранных журналистов пригласили в президентский дворец. Состоялись торжественные проводы министра иностранных дел ДРВ Нгуен Зуй Чиня в Париж. Он летел подписывать соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме. Стрекотали кинокамеры, вспыхивали блицы фотоаппаратов. Каждый спешил запечатлеть на пленку исторический момент. С волнением и радостью поздравляли вьетнамских друзей. Мы, представители Советского

Засыпают воронки, оставленные бомбами на столичной улице Кхамтхиен.

Здравствуй, мир!

ЫЕ ДНИ МИРА

Союза и других социалистических стран, чувствовали, что это и наша победа, победа всех сил мира.

Все годы войны СССР был вместе с Вьетнамом. Наша страна помогала оснащать вьетнамскую Народную армию современным оружием. Советские специалисты учили вьетнамских воинов управлять сложной техникой. Бойцы вьетнамской Народной армии показали чудеса героизма и стойкости. Только за несколько дней было сбито 34 американских бомбардировщика «В-52». Обломки одного из них я сфотографировал возле ханойского зоопарка. Люди смотрели на груды металла сурово. У каждого еще стоял в ушах вой сирен, грохот взрывов, плач детей, стоны раненых.

В Хайфоне я видел одиннадцатикилометровую полосу шириной в пятьсот метров, где остались лишь обломки и серый пепел. Здесь до бомбежки были жилые кварталы. И все же Вьетнам победил!

Сейчас страна залечивает раны войны. На улицах Ханоя кипит дружная работа: складывают в штабеля битый кирпич, убирают мусор. Тянут на временных опорах линии электропередач, налаживают водоразборные колонки. И тут же, прямо на тротуарах, вовсю идет торговля. На гибких коромыслах женщины несут капусту, крупные красные помидоры, мандарины и апельсины, цветы.

Председатель текстильного кооператива Ле Тхи Ньанг сказала:

— Победа окрылила нас. Нужно быстрее восстановить разрушенное. Мы уже перевыполняем план...

— Лиен Со! Лиен Со! — кричали ребятишки, завидя нашу машину.

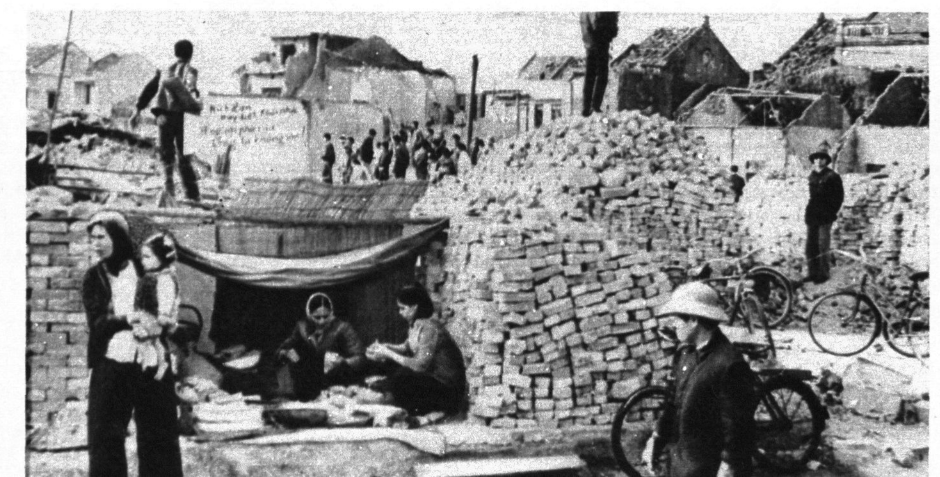
Лиен Со — это значит Советский Союз или просто советский человек. Такое приветствие мы слышали всюду.

На понтонной переправе повстречалась колонна грузовяков. Люди возвращаются из эвакуации, из дальних провинций. Смех, улыбки. И никто уже не заглядывает с боязнью в небо. Все знают, что не появятся теперь вражеские самолеты. Небо чистое и голубое, мирное, спокойное небо.

Ханой — Хайфон — Москва.

Семья вернулась из эвакуации. Люди строят временное жилище на развалинах. Будут скоро новые дома!

Здесь был их дом.

ТАК ДЕРЖАТЬ!

Зденек ГОРЖЕНИ,
заместитель главного редактора «Руде право»,
председатель Чехословацкого союза журналистов.

Разрешите, дорогие читатели «Огонька», познакомить вас с гражданином Боушкой. Это очень симпатичный человек с круглым, как луна, лицом, смешными очками на носу, ершистыми усиками и добродушной улыбкой. Он живет не в моем доме и даже не на моей улице, но я встречаюсь с ним каждый день. Признаюсь, что очень люблю этого типа за доброту, юмор и зоркий глаз. Его родной отец и автор, карикатурист Петр Паздерка прописал Боушку в Праге, а газета «Руде право» предоставила ему жилплощадь на странице с новостями о жизни республики. Гражданин Боушка стал комментатором: каждый день в «Руде право» он выступает по поводу того или иного события в нашей жизни. Сегодня он поощряет, хвалит, завтра без обиняков говорит о недостатках. Чаще всего он беспокоит лодырей, эгоистов, грубиянов, карьеристов. Рисунком или словом бьет мещанина любой масти. Гражданин Боушка всем сердцем **наш** человек. Он никакой не критикан или закоренелый брюзга. В нем соединились народная мудрость и доброта. Потому-то его и любят все, кто читает «Руде право».

Сегодня, когда я пишу эти строчки, гражданин Боушка изрек очередной афоризм. На этот раз на мушке были не лодыри и мещане. Боушка появился на странице газеты с киркой за плечом и плакатом, посвященным 25-й годовщине Февраля, и произнес: «Добросовестная работа — самая лучшая агитация». Возможно, данное изречение не бог весть какое новое, но гражданин Боушка в одной только фразе выразил очень многое...

Еще с детства я помню лозунг: «Труд для республики — наша агитация». Это было вскоре после 45-го года. Каждый должен был засучить рукава, чтобы восстанавливать хозяйство, разрушенное войной. С этим лозунгом коммунисты и все патриоты выходили строить заводы, благоустраивать города и деревни. С этим лозунгом в 1946 году мы пришли к парламентским выборам, на которых и победили.

Эти слова были в нашем сердце и весной 1969 года, когда новое руководство партии и государства перед лицом глубокого политического кризиса, вызванного правыми и контрреволюционными силами, взяло в свои руки штурвал нашего государственного корабля. Бушевала инфляция, росли цены, перед магазинами выстраивались очереди, доверие к чехословацкой кроне катастрофически падало. Реакционерам, все еще занимавшим некоторые высокие посты, это было на руку: «Чем хуже — тем лучше». Сотни тысяч людей были дезориентированы. По ту сторону Шумавы тогда писали: «Страх перед будущим растет над Влтавой...» Это утверждала 19 апреля 1969 года гамбургская газета «Ди Вельт», известная своей реакционностью. «Недостаток товаров, катастрофическое повышение цен, недовольство и депрессия среди трудящихся,— вторила «Франкфуртер альгемайне».— Это только некоторые внешние проявления глубокой экономической раны, которую Прага едва ли сможет залечить собственными силами...» «Заботливые» западные комментаторы били тревогу: мол, Чехословакии грозит экономическая катастрофа. Те ошибки, за которые несли ответственность политические фавориты Запада, наши «доброжелатели» пытались приписать новому руководству страны, принявшему решительные меры для ликвидации хаоса и беспорядка. Господин Колин Лаусон в газете «Дейли экспресс» назвал эти мероприятия «чудовищным усилием сохранить разваливающееся хозяйство» (13 мая 1969 года). Он лгал так, что стены могли покраснеть, когда утверждал, что в Чехословакии стремятся к «снижению жизненного уровня»...

Положение в стране, которое буржуазные журналисты стремились изобразить в выгодном для Запада свете, было, бесспорно, критическим. Перед политическим руководством стоял целый ряд неотложных проблем. Что делать, с чего начать? Именно тогда вспомнился мне лозунг, который был необычайно популярен в первые послевоенные годы: «Труд для республики — наша агитация».

В 1971 году в Праге состоялся XIV съезд Коммунистической партии Чехословакии, который признал правоту такого подхода к делу. Я не буду здесь приводить никаких цифр, не буду повторять директивы съезда, скажу только, что тот, кто хочет, может в них прочесть: «Труд для республики — наша агитация». Иными словами: «Как мы будем работать сегодня, так будем жить завтра».

Еще рано кричать «ура», еще не все, что натворили авантюристы в 1968 году, мы исправили. Было бы преувеличением утверждать, будто каждый из нас думает и поступает так, как символический гражданин Боушка. У нас есть еще известные трудности, проблемы и недостатки. Но зачем себя бичевать! Каждый разумный человек понимает: чудес на свете не бывает, все сразу сделать невозможно. Каждый разумный человек понимает также, что нам удалось сделать немало. Сегодня время от времени даже в писаниях наших врагов мелькают кое-где факты, которые нельзя обойти молчанием, хотя эти факты отнюдь не соответствуют ни представлениям, ни желаниям реакционной пропаганды. Даже враги не могут замалчивать нашу жизнь.

Не так давно корреспондентка одного лондонского женского журнала, кажется, ее имя Мэри Джилиат, в своем репортаже из Праги писала: «Дела здесь очень изменились, изменились к лучшему. В магазинах достаточно продуктов... У каждого по горло работы... Есть признаки того, что экономика снова начинает развиваться...» Журналистка перечислила только внешние признаки тех больших изменений, которые происходят у нас в стране и которые говорят об экономической силе республики. Во-первых, удалось остановить инфляцию, исчезли очереди перед магазинами, прилавки заполнились товарами, стала твердой чехословацкая крона, растут вклады в сберегательных кассах, а заодно и доверие к экономической политике.

Руководство партии и государства проделало большую работу в области международных отношений. Были обновлены дружеские, союзнические и деловые контакты с братскими социалистическими странами. Выдающимся событием этого периода явилось заключение 6 мая 1970 года нового советско-чехословацкого Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. В этом документе отражено тесное сотрудничество наших стран практически во всех областях жизни. Он еще больше укрепил нашу национальную и государственную безопасность, укрепил позиции социализма в нашей стране. Общество консолидировалось, люди обрели чувство уверенности. Многое изменилось и в их настроении, изменилась общая атмосфера, хотя (и об этом мы также не должны забывать) в сознании у некоторых остались пережитки правого ревизионизма.

Всеобщие выборы, прошедшие в ноябре 1971 года, явились поворотным моментом. Они показали, за кем идет подавляющее большинство народа. А это — главное. Дела и в самом деле изменились к лучшему. Таков пульс нашей страны после XIV съезда партии, в момент, когда мы готовимся достойно отметить серебряный юбилей Февральской победы. Это пульс народа, пульс трудящихся.

Чем мы по праву гордимся — это отношением большинства наших граждан к программе и политике партии и правительства.

«Но ведь люди работают, чтобы зарабатывать деньги»,— может заметить скептик. Конечно. Материальный стимул играет свою роль. Но этот же скептик едва ли опровергнет существование моральных стимулов, без которых была бы невозможна быстрая консолидация страны.

Я не буду писать о социалистическом соревновании и обязательствах, о народных сменах или субботниках, которые принесли республике столько-то и столько-то миллиардов крон. Это факты, дорогой скептик, факты, и против них не пойдешь. Сейчас у нас много пишут о движении, которое называется «Превзойди сам себя». Оно родилось среди горняков шахты имени 1 Мая в Остраве, в атмосфере ежедневного перекрытия рекордов. Сегодня рекорд шахты, завтра рекорд бассейна, послезавтра рекорд республики. В газетах писали о рекордах Европы и мира. Мои остравские коллеги-журналисты утверждают, что в прошлом году там было побито 135 рекордов. Это много. Но на шахте имени 1 Мая не довольствовались борьбой за рекорды. В ежедневной работе нам важно, чтобы каждый горняк давал больше угля, а не только те, кто устанавливает рекорд. Каждый может побить свой собственный рекорд: дать сегодня больше, чем вчера. Вот откуда лозунг «Превзойди сам себя». Искра этого движения быстро перенеслась на шахту имени Антонина Запотоцкого, затем на другие шахты, на целые бассейны, потом перекинулась в другие города и области республики.

Один коллектив, кажется, тоже в Остраве, уточнил этот призыв, добавив: «И так держать!», то есть работай так, чтобы твой личный рекорд стал рекордом не одного дня, а более продолжительного времени, чтобы это был твой рекордный месяц, твой рекордный квартал и т. д. Никто еще не сосчитал ни в тоннах, ни в кронах, что дало это движение общественному фонду или что оно еще принесет. Гражданин Боушка может быть довольным: его сограждане своей повседневной работой доказывают, что добросовестный труд и в самом деле лучшая агитация.

Так это было в первые же дни после освобождения.

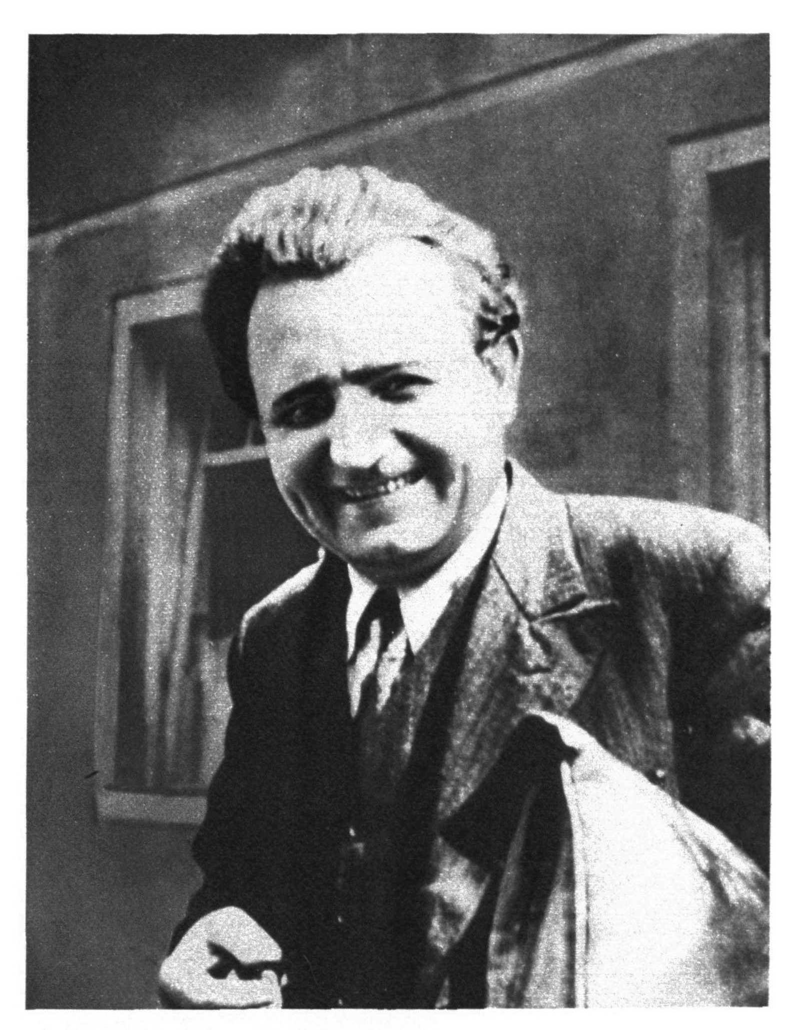
Так было в Феврале 1948-го.

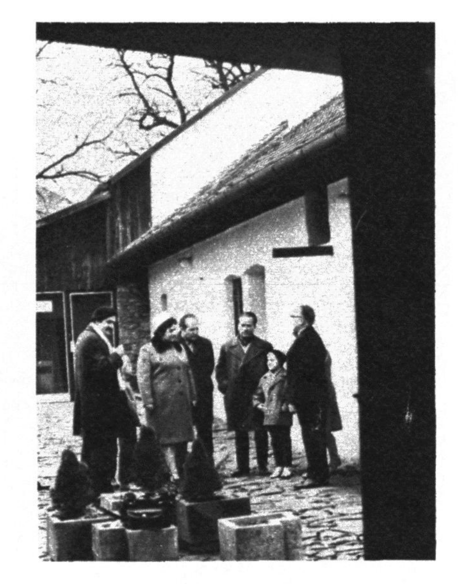
Так было в трудный час, когда страна была охвачена кризисом.

Так есть теперь, в год серебряного юбилея.

ПРЕВЗОЙДИ САМ СЕБЯ. И ТАК ДЕРЖАТЬ!

12-летний подмастерье Клемент Готвальд (на снимке справа).

Клемент Готвальд. 1936 год.

Во дворе дома-музея.

Иржи Яблунка.

ИРЖИ И ПРЕЗИДЕНТ

Н. АЛЕКСАНДРОВА

У входа в тихий, беленький домик с черепичной крышей висит табличка: «Здесь 23 ноября 1896 года родился Клемент Готвальд». Мы входим в дом-музей первого рабочего президента Чехословакии. Ладислав Чтвртничек, директор музея, рассказывает:

— Я сам родился тут, в Дедицах, шестьдесят лет назад. Тогда наш городок еще был деревней, а этот дом — одним из самых богатых на улице. Он принадлежал помещику, а батраки, в том числе и дед Готвальда, ютились в полутемных каморках. В нашей семье было восемь детей, спали все в тесноте на полу,— продолжал вспоминать наш гид.— Жители этого края — безземельные батраки и ткачи, вечно искавшие работу,— не имели никаких прав. Семьи, как наша, как семья Готвальдов, бедовали из года в год. У них в доме часто не было ни кусочка хлеба, и Готвальд, лучший ученик школы, уже в двенадцать лет начал работать в столярной мастерской. С 16 лет он активно участвовал в социал-демократическом молодежном движении, а в 25 лет он—один из организаторов Коммунистической партии Чехословакии.

Помню,— рассказывал директор музея,— как мой отец приносил домой брошюры и прокламации, которые писал Готвальд. Отец вчитывался в каждую строчку. «Запомните, дети,— говорил он,— придет час, когда победит рабочий класс, когда все вы будете сыты, обуты и сможете учиться. Мы победим,во что бы то ни стало победим!» Это были не его слова, это слышал он от Готвальда. Отец встречался с ним в соседнем городе Вышкове, где коммунисты проводили свои собрания тайком от жандармов. Вот так начиналась жизнь первого рабочего президента нашей страны...

В одной из витрин под стеклом лежит пожелтевший от давности классный журнал. Над ним скло-

нился мальчик лет девяти. Отыскав фамилию ученика Готвальда, мальчик принялся изучать его отметки. Математика — отлично, грамматика — отлично, чтение — отлично, риторика — отлично, поведение — отлично.

— Как тебя зовут? — спросила я.

— Иржи... Иржи Яблунка.

— В каком же классе ты учишься?

— Уже в третьем. Наша учительница сказала, что мы будем скоро проходить все про Готвальда, и тогда папа пообещал отвезти нас с братом Йозефом в музей.

— Иржи, а что ты знаешь об этом человеке?

— Так у нас же все ребята знают: это наш первый революционер, он с богачами воевал и с фашистами. Видите, какой он тут на фотокарточке, совсем на себя не похожий. Он специально приклеивал усы, чтобы его не узнали жандармы...

Мальчик не успел договорить: нас пригласили посмотреть документальный фильм.

...На экране недавнее прошлое страны. Это жизнь, прожитая маляром, а ныне директором музея коммунистом Ладиславом Чтвртничком. Это уроки истории, которые еще предстоит выучить в школе Иржи и его сверстникам.

Этапы жизни государства. Кошице, 5 апреля, 1945 года. На торжественном заседании Словацкого национального совета выступает Готвальд: **«...первое правительство нашей республики, сформированное на территории республики, будет считать себя выразителем чешско-словацкой государственной общности, основанной на новых принципах».**

И снова людской водоворот. Это митинг в Братиславе 9 мая 1945 года. У микрофона человек в светлом плаще. **«Граждане Чехословакии!.. Наконец, пришел день, которого с таким нетерпением ждали народы нашей республики: гитлеровская Германия полностью и окончательно разгромлена, наша родина освобождена,— слышится голос Готвальда.— Войска маршала Конева вступили в Прагу и помогли восставшим пражанам очистить столицу республики от врага... Это Красная Армия освободила Чехословацкую Республику от нацистского террора. Мы гордимся тем, что в эту минуту триумфа наша республика как верный союзник стоит плечом к плечу с победоносным Советским Союзом, и мы заявляем, что и в будущем мы останемся верными этому братскому союзу...»**

В музейную тишину врывается шум стотысячной толпы на Староместской площади 21 февраля 1948 года. Кружатся снежные хлопья, ветер рвет из рук оратора листки бумаги с торопливо написанными строчками: **«Дорогие друзья! Мы стоим сейчас перед важной задачей — быстро, в соответствии с интересами народа и республики, разрешить правительственный кризис... Я призываю всех вас к бдительности и боевой готовности... Создавайте в селах, районах и областях комитеты действия Национального фронта из демократически настроенных прогрессивных представителей всех партий и общенациональных организаций. Подавляйте в зародыше любые провокации реакционных агентов. Будьте едины и решительны,–и ваша правда победит!»**

Да, так это было. Рабочий класс по призыву Коммунистической партии Чехословакии, взяв в руки оружие, дал отпор реакционным силам. Народ избрал путь в социалистическое будущее.

...Торжественно движется кортеж машин. Он направляется в президентский дворец — Пражский Град. Эти кадры сняты операторами 14 июня 1948 года. В тот день впервые в истории Чехословакии президентом страны стал внук безземельного крестьянина, рабочий, коммунист — Клемент Готвальд.

«Клянусь своей честью и совестью, что буду верен Чехословацкой Республике и ее народно-демократическому строю. Свои обязанности я буду выполнять добросовестно и беспристрастно в соответствии с волей народа и в интересах народа и государства»,— волнуясь, произнес он слова присяги, которой оставался верен до последнего часа своей жизни.

Замер мотор киноаппарата. Вспыхнул свет. Семья Йозефа Яблунки вместе с посетителями музея направилась к выходу.

Комнаты опустели, мы остались одни, и Ладислав Чтвртничек еще долго рассказывал о прожитых здесь годах, о том, как родился этот музей и кто в нем побывал. Он показал два тома с автографами — один, исписанный на многих языках мира. По просьбе директора мы написали в нем приветствие от «Огонька». Другой том хранил автографы на чешском и словацком языках.

— Первый рабочий президент нашей страны был чех, но он отлично говорил и писал по-словацки,— сказал директор.— Народ любил его, а враги ненавидели. Дело, которому Клемент Готвальд отдал всю жизнь, живет и будет жить. Сбылось все то, о чем он говорил когда-то моему отцу, первым коммунистам нашей деревни. Поглядите на жизнь нашей семьи! Все мои братья и сестры — уважаемые люди на работе, имеют хорошие дома. А кем стали их дети? Один мой племянник — тракторист, другой — инженер, он побывал на Кубе, а племянница шлет письма из Вашингтона — ее муж дипломат. Если б не наша победа, может быть, вымерла бы вся семья с голода, а если бы и уцелела, то об образовании детей даже и не мечтали бы! И вот, когда приходят сюда школьники с учителями или с родителями, я всегда волнуюсь,— ведь рассказываю я им не об экспонатах. Я рассказываю о жизни человека, очень простого, скромного и душевного, который многое, очень многое сделал для нашей страны.

КОНКУРС «ОГОНЬКА» —

Дорогие читатели!

Через несколько дней народы братской социалистической Чехословакии отметят знаменательную дату в жизни республики. Четверть века назад, в феврале 1948 года, трудящиеся Чехословакии одержали историческую победу над реакцией. С этого момента началась история новой, социалистической Чехословакии.

«Огонек» предлагает читателям принять участие в конкурсе «Путешествие в историю ЧССР». В этом номере журнала мы познакомим вас с некоторыми этапами жизни страны и зададим вопросы, на которые нужно будет ответить. Времени для ответа не так уж много — наш конкурс продлится до 20 мая!

ПЕРВАЯ премия — путешествие по ЧССР (пять наград). Путевки для победителей предоставляет Чехословацкое бюро путешествий (ЧЕДОК).

ВТОРАЯ премия — цветной телевизор.

ТРЕТЬЯ премия — телевизор «Темп-209» (две награды).

ЧЕТВЕРТАЯ премия — кинокамера (четыре награды).

ПЯТАЯ премия — портативный телевизор (шесть наград).

ШЕСТАЯ премия — фотоаппарат (три награды).

СЕДЬМАЯ премия — туристическая палатка (четыре награды).

Кроме того, пятьдесят участников конкурса получат поощрительные призы и сувениры.

В составе жюри конкурса «Путешествие в историю ЧССР» — общественные деятели, историки, сотрудники посольства Чехословакии в СССР, журналисты.

Вопросы участникам конкурса

1. Что вы знаете об истории Словацкого национального восстания?

Расскажите о совместной боевой операции Советской Армии и чехословацких воинов, которая стала началом освобождения Чехословакии.

Не приходилось ли вам, вашим родным или знакомым быть участником этих событий? Если да, напишите об этом.

2. В документе, который называется Кошицкая правительственная программа, были заложены основы нового, народно-демократического чехословацкого государства. Расскажите о значении этой программы для развертывания борьбы трудящихся за социализм.

3. Когда началось и как проходило Пражское восстание? Какие советские части пришли на помощь восставшим и первыми вступили в Прагу?

Если вы были участником освобождения Праги, что вы помните об этих днях?

4. Февральская победа 1948 года открыла новую страницу в истории Чехословакии. Расскажите о роли и значении Коммунистической партии Чехословакии в победе трудящихся над реакцией.

5. IX съезд КПЧ, состоявшийся в 1949 году, разработал генеральную линию строительства социализма в Чехословакии.

Одной из главных задач было кооперирование сельского хозяйства. Что вы знаете об этом?

6. В реализации программы строительства социализма в ЧССР активное участие принимала молодежь. Расскажите о крупных стройках, прославивших молодое поколение республики.

7. «С Советским Союзом на вечные времена!» — этот лозунг, выдвинутый Клементом Готвальдом, стал символом дружбы СССР и Чехословакии.

Что вы знаете об истории и деятельности Союза чехословацко-советской дружбы? Расскажите о деятельности Общества советско-чехословацкой дружбы в вашем городе или поселке.

8. Когда был XIV съезд КПЧ? Какую роль он сыграл в укреплении социализма в Чехословакии?

Расскажите о своих встречах с братской Чехословакией и о своих друзьях из этой страны.

Итак, ждем ваших писем! Преимущество в победе будет за теми, кто первыми пришлет ответы на вопросы.

На конверте пишите — Конкурс «Путешествие в историю ЧССР».

НИКОЛАЙ ВИКТОРОВИЧ ПОДГОРНЫЙ

К 70-летию со дня рождения.

Т. Коваленко (Пермь). УТРО.

Всесоюзная художественная выставка «СССР — наша Родина».

Рабочая милиция на улицах Праги в феврале 1948 года.

ФЕВРАЛЬ, ГОД 1948

Перед вами страница истории. На Староместской площади в Праге 28 февраля 1948 года состоялся торжественный парад отрядов только что созданной народной милиции.

Решался вопрос о власти. Чехословацкая реакция, напуганная народным движением, ростом авторитета коммунистической партии, начала готовить контрреволюционный путч. Сразу поднять вооруженный мятеж она не могла, хотя и имела специальные военные отряды. Буржуазия избрала другую тактику. Двенадцать реакционных министров подали в отставку, надеясь парализовать работу народно-демократического правительства, чтобы принудить его к отставке и, сформировав свое — без коммунистов,— подготовить почву для реставрации капитализма.

— Живо помню эти бурные дни,— говорит конструктор Зденек Гавел, командир отряда народной милиции завода «ЧКД-Прага».

Беседуем в просторной комнате. На заводе ее называют залом заседаний партийной организации. Тут же собираются члены отряда народной милиции. Длинные столы поставлены буквой «П». На стене портрет В. И. Ленина. Под ним лозунг — «По ленинскому пути, за дальнейшее развитие нашего социалистического общества».

Зденек Гавел обвел внимательным взглядом своих товарищей:

— Думали мы, рабочие, в те дни одинаково: наступил главный момент для пролетарской судьбы, надо брать власть в свои руки.

— И были убеждены, что наш путь правильный!—вставил Зденек Рейнгард.— Накануне событий я был в Кладно, помогал шахтерам, выполнял поручение партии,— продолжал он, перехватив рассказ Гавела,— меня предупредили: сегодня в штрек не спускаемся, поедем в Прагу на митинг. Там будет выступать Готвальд... Слушали его, как себя, потому что он высказывал наши мысли. Избрали рабочую делегацию к президенту Бенешу. Во главе поставили нашего рабочего Бедржиха Козелку. Требование одно и окончательное — принять отставку министров-реакционеров. Затем состоялся парад народной милиции. Внушительно мы шагали... На заводе, в цехах, у каждого станка — винтовка. В любой момент были готовы к отпору. Тогда наш отряд насчитывал тысячу двести человек. Охраняли завод, министерства, откуда уже удрали министры.

— Дежурили круглые сутки! — Это уже сказал Ян Елинек. Он пришел на встречу тоже прямо из цеха.— Стояли на посту днем и ночью. Но в помещении, куда ходили погреться, всегда ждал горячий чай, жены приносили обед. Настроение у всех было боевое.

— Как и сейчас! Оружие мы не оставляем без внимания,— снова берет инициативу Гавел.— Пролетарская интуиция... И чувство интернационализма. Это мы воспитываем и в молодежи. Для нас молодежь — главная забота. Приобщаем ее к нашим делам. И, я бы сказал, успешно. Идут парни в отряды рабочей милиции. Выезжают на тренировки, в общем, учатся...

Члены заводского отряда народной милиции ведут на «ЧКД-Прага» большую пропагандистскую работу. Они выступают в цехах с лекциями и докладами, рассказывают о своих встречах с советскими людьми, о поездках в СССР.

— Дружим с жителями села Соколово. Там, как вы знаете, чехословацкие воины под руководством нынешнего президента ЧССР, а тогда полковника Людвика Свободы приняли первый бой с гитлеровцами. Посылаем в Соколово лучших рабочих. Рассказов хватает на целый год. Принимают в вашей стране по-братски.

За столом сидели не только кадровые рабочие. Среди них были и молодые люди — новый отряд народной милиции. Они внимательно слушали рассказы своих старших товарищей — Зденека Гавела, Вацлава Шебека, Зденека Полачека, которые передают им не только свой опыт, но и свою убежденность, свою силу...

И. МАКСИМОВ

ТУШИМИЦКИЙ ДИАЛЕКТ

Н. ИВАНОВА,
Ю. МИХАЙЛОВ

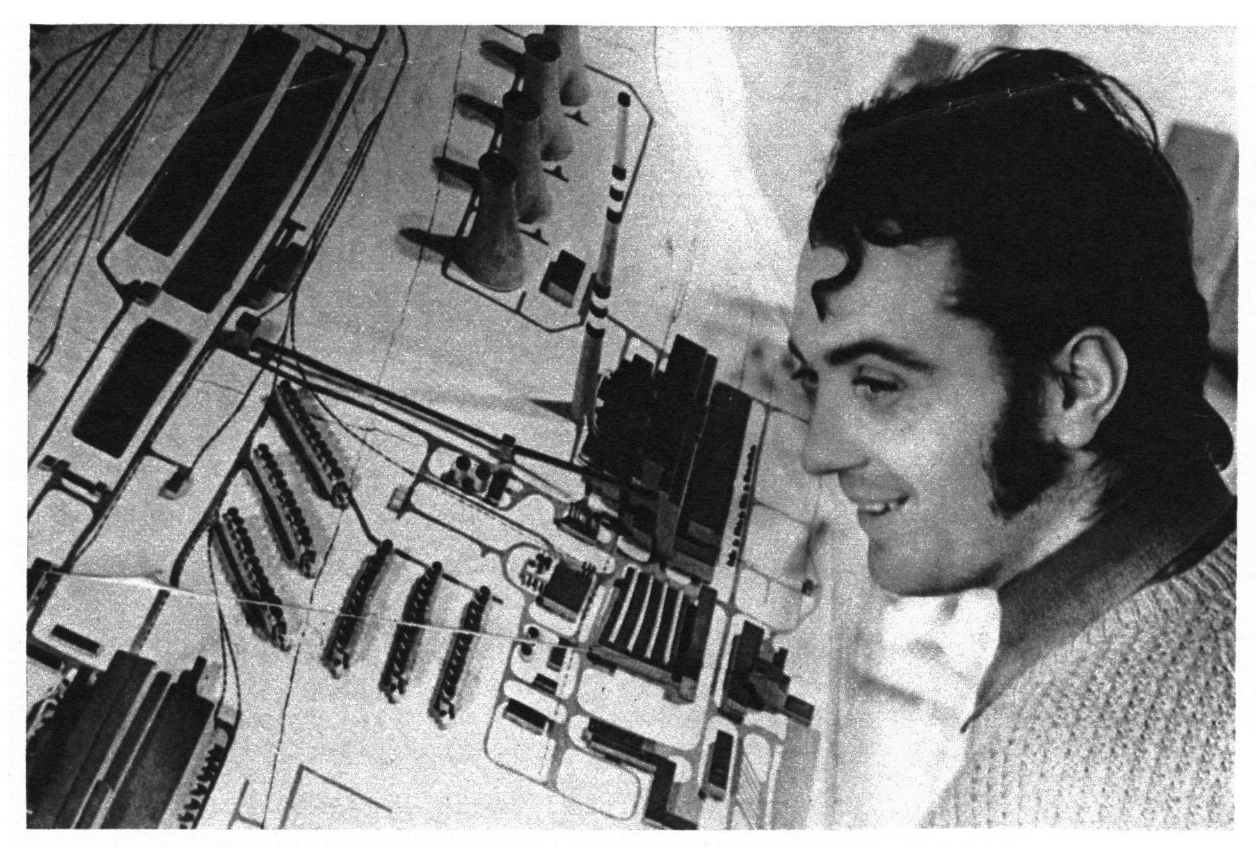
И не пытайтесь вспомнить, к какому языку имеет отношение тушимицкий диалект! Дело в том, что на нем объясняются в одном-единственном месте на земле — в ста километрах севернее Праги. Там, неподалеку от города Кадань, зимой 1971 года появилась первая группа жителей, говорившая на диалекте. Об этом мы узнали от председателя ЦК Социалистического союза молодежи Чехословакии Юрая Варголика. С ним у нас был долгий, интересный разговор о молодом поколении республики и его проблемах. Тридцатидевятилетний председатель ЦК, в прошлом слесарь, а потом инженер и руководитель заводских комсомольцев, он хорошо знает эти проблемы. Сегодня ССМ стремится активно участвовать в политической, экономической, культурной и общественной жизни. В 1971 году в органы народной власти Чехословакии были избраны 59 тысяч молодых людей, а это 30 процентов депутатов.

Социалистический союз молодежи объединяет 850 тысяч человек, из них 60 процентов — трудящаяся молодежь.

— Мы взяли шефство и послали свои бригады на 260 различных строек,— рассказывал Юрай Варголик.— Среди них один из ключевых объектов пятой пятилетки — строительство самой крупной в стране теплоэлектростанции Тушимице-2. Там работают и советские ребята. Эта стройка объявлена международной.

Конечно, мы отправились по этому адресу.

...Среди новеньких, с иголочки типовых домов без труда отыскали тот, в котором разместились молодежный комитет строй-

«Вот такой будет наша «тушимицкая двойка»,— говорит Станислав Крым.

ки и штаб международных бригад. Секретарь комитета ССМ Станислав Крым, 28-летний инженер из Кладно, два года назад приехал сюда вместе с семьей и...

— Честно говоря, дома бываю урывками. Ведь иной раз в горячее время поспать удается не больше пяти часов. Но работать интересно! Подумать только: когда я приехал, тут было поле, и ничего больше, а через два года здесь вырастет самый большой энергокомплекс.

На стене, рядом с планом сооружения комплекса, висел график работы штаба стройки, и мы попросили Станислава о нем рассказать.

— В штабе представители от каждой области страны, которая направила свой отряд строителей. Еще в него входят руководители интернациональных бригад. Это москвич Владимир Кодрян, болгарин Любомир Иосифов, Рольф Биесецке из ГДР, варшавянин Кшиштоф Германски и кубинец Рамирес Альварес. Каждый четверг мы собираемся в этой комнате и вместе проводим «летучку».

— Какой же у вас «рабочий язык»?

Станислав улыбнулся:

— Это такой... тушимицкий диалект.

Так родилось название этого репортажа. Кстати, и написать его помог руководитель штаба. Долго его пришлось уговаривать, чтобы позволил взять с собой несколько номеров любопытного журнала, который издает комитет ССМ.

— Это очень важный документ,— взволнованно объяснял Станислав Крым,— в нем вся история нашей стройки. Ребята, которые работали на строительстве Тушимице-1, не сохранили летописи своей жизни, а как было бы интересно ее почитать...

А теперь пусть «этучко»—так называют свой журнал комсомольцы — расскажет о некоторых днях их жизни.

На первом съезде Социалистического союза молодежи Чехословакии выступал Станислав Крым. И тогда в журнале появилась такая страничка:

«В 1971 году Коммунистическая партия Чехословакии, правительство доверили молодежи замечательную энергетическую стройку пятилетки. Уже в апреле приехали первые ребята и девчата со всех уголков республики. За минувший год в отрядах отработало почти 900 человек. Проект стройки был недостаточно хорошо подготовлен. Некоторые считали, что она запоздает на год. Но уже сегодня мы докладываем: заданный план строительно-монтажных работ будет выполнен вовремя. Огромную роль в этом играет трудовая инициатива и соревнование молодежи в честь первого съезда ССМ. В результате рационализаторских предложений сэкономлено около 8 миллионов крон!

Тушимицкий комплекс состоит из 300 объектов. Наша стройка с самого начала стала интернациональной. Вместе с нами работают бригады из СССР, ГДР, Польши, Болгарии, Венгрии и Кубы».

* * *

«Наш первый строительный день.

Это был прекрасный солнечный июньский день. В новых, чистых спецовках мы осматривали стройку. Среди тушимицких новичков в этот день появились ребята из ГДР, которых направили именно на наш участок. Познакомились. На вопрос, говорим ли мы по-немецки, кивнули головой. Обо всем, что касалось дела, мы быстро договорились. Осталось время и для отдыха. Зашел разговор о музыке, о жизни в ГДР и здесь, у нас, и мы с радостью убеждались, как многое нас объединяет. К концу первого необычного рабочего дня мы стали намного богаче — у нас появилось еще несколько хороших товарищей.

Зузана Жакова,
Гана Фриштенска».

* * *

«Железнодорожники выдержали.

Четверг, 16 марта. Этот обычный день стал для нас праздником. Железная дорога на эстакаде готова! В присутствии представителей телевидения и газеты «Млада фронта», членов комитета ССМ, редакции (как же без нас!), а главное, довольных ребят — строителей дороги и хозяйственных руководителей выехал первый поезд».

* * *

«Я приехал из Праги и счастлив, что довелось здесь поработать. Когда идет такое грандиозное строительство, ощущаешь себя человеком очень полезным. Тут отличный коллектив, каждому из нас есть что сказать о своей работе. Думаю, что буду вспоминать дни в Тушимице как лучшее время своей жизни»,— пишет Боржек Шубрт.

* * *

«5 апреля 1972 года.

В среду прибыла многочисленная группа молодежи, чтобы помочь строить вторую тушимицкую электростанцию. Число добровольцев уже перевалило за 350. В течение апреля и в мае прибудут еще 280 человек, в том числе посланцы из Советского Союза, Польши, ГДР, Венгрии и Болгарии. Перед строителями стоят большие задачи. Если в прошлом году капиталовложения составляли 200 миллионов крон, то в этом они составят более половины миллиарда!»

* * *

«Иностранные стройотряды, на словечко!

Сегодня мы беседуем с Любомиром Иосифовым, начальником болгарского отряда имени Г. Димитрова.

В отряде имени Г. Димитрова 25 человек. Они прибыли на нашу стройку 21 августа 1972 года. Откуда ребята, где они работали прежде?

— Это представители трех округов: Бургасского, Варненского и Толбухинского. Все они прежде работали на наших стройках: двое на национальной молодежной стройке, остальные строили верфи и заводы. В отряде — бетонщики, каменщики, столяры, облицовщики.

— Любомир, что тебе здесь больше всего нравится?

— Прежде всего люди, которые собрались здесь со всей Чехословакии. И еще по-настоящему волнует дружба и взаимопонимание, в атмосфере которой работает наш международный штаб».

* * *

«Среднечешский и восточночешский отряды помогли нашим земледельцам в уборке картофеля. Вместе с членами болгарской бригады они помогали сельскому кооперативу. Домой, в адрес организаций, которые прислали на стройку ребят, были посланы письма с благодарностью.

Местный народный комитет поселка Любица. Товарищу председателю.

Уважаемый товарищ председатель! Житель вашего села Миява Штефан работал на международной молодежной стройке электростанции Тушимице-2 и проявил себя сознательным человеком. Он добросовестно выполнял свои рабочие и общественные обязанности члена ССМ, представителя молодого поколения ЧССР.

За добросовестное отношение к труду по строительству нашего социалистического общества штаб словацкого отряда благодарит его и желает ему трудовых успехов и счастья в личной жизни.

Штаб словацкого отряда».

* * *

«...Расставаться всегда тяжело. Особенно с теми, кого ты любишь, кто стал твоим хорошим другом. Уезжают немецкий и польский строительные отряды. После недельного отдыха уедут и советские друзья. По случаю вашего отъезда на родину мы хотим поблагодарить вас за вашу работу. Мы понимаем, нелегко вам было расстаться с домом, родными и привычной работой и приехать в новую, незнакомую страну. И мы восхищались тем, как быстро и деловито включились иностранные бригады в ритм жизни нашей стройки. Вы не только выполняли рабочее задание, но проводили здесь большую политическую работу и отдавали ей все свое свободное время. Ваше влияние на нас было ощутимым, и мы вам благодарны за это. Еще раз большое спасибо вам от всего сердца. Приезжайте к нам еще!»

Мы не уехали со стройки, не повидавшись с нашими ребятами. Тем более что в соседней комнате, как объяснил Станислав, находился руководитель советского отряда.

Владимир Кодрян нас не заметил. На проводе была Москва, комитет комсомола родного МИСИ.

Потом мы с Володей отправились на стройку, и по пути он рассказал, что бригада ЦК ВЛКСМ состоит из 21 человека. Ребята работают с августа прошлого года, 20 февраля они вернутся домой, и приедет новая смена. Кстати, возможно, что новую бригаду опять будет возглавлять кто-нибудь из Московского инженерно-строительного института. В прошлый раз бригадой руководил секретарь комитета ВЛКСМ института Геннадий Гурьев, Кодрян — аспирант, он много лет работал в комитете комсомола. Вместе с ним из института в бригаде еще двое студентов, а также семеро молодых инженеров из разных городов и посланцы рабочего класса — арматурщики, бетонщики, строители.

— В отличие от других бригад,— рассказывал он,— мы ведем самостоятельный объект от нулевого цикла по чертежам.

Вот она, наша бригада. Только непонятно, почему напарник строителя Виталия Осипова — молодой паренек из провинции Камагуэй Роберто?

— Такой у нас порядок заведен,— весело ответил Виталий, все кубинцы распределены по интернациональным бригадам, чтобы лучше осваивали специальности!

Он положил руку на плечо Роберто.

— Правду я говорю, друг?

Кубинец поправил шапку-ушанку.

— Си, компаньерос!

И ребята, собравшиеся вокруг, хором перевели:

— Да, товарищи!

Вот так он, наверное, и рождался, этот неизвестный языковедам тушимицкий диалект.

ОКНА, ПОЛНЫЕ СОЛНЦА

Борис ИВАНОВ,
фото А. НАГРАЛЬЯНА,
специальные корреспонденты
«Огонька»

Перелистывая старые блокноты, я наткнулся на такую запись: «Деревня Глюшовицы. Кооператор Иосиф Троусил. Трудно Горенкину. Земли мало, семья большая. И не ему одному. А я в стороне. Нет, правильно кто-то сказал: горе стучится в окно соседу — оно стучится в твое окно, а ведь ты человек. Потому и сердечная боль. Так что же делать? Что предпринять, чтобы окна у всех были настежь открыты солнцу? Работать сообща. И все будут свободны от нужды, и богаче каждый».

Что бы это значило? — подумал я. Покопавшись в памяти, приоткрыв ее как бы «второе дно», я вдруг ясно увидел и Иосифа Троусила, высокого, худого блондина с тонкими, длинными пальцами музыканта, и деревню Глюшовицы, задернутую в серую вуаль осеннего тумана, и толстую тетрадь в клеенчатой обложке, откуда я тщательно переписал вышеприведенные слова. А означали они вот что: это были размышления чешского крестьянина, как жить дальше.

Иосиф Троусил решил тогда правильно. Он вступил в кооператив и зажил счастливо. И, с гордостью рассказывая о своем хозяйстве, показал мне и эту запись из своего дневника.

С той поры минуло много лет. А потянула меня к старым блокнотам профессиональная привычка: готовясь в командировку, вспомнить прошлое тех мест, куда снова позвала тебя судьба. Ведь прошлое как хороший экран — на нем рельефнее высвечивается настоящее. Поэтому, приехав в Прагу, я сразу решил побывать в деревне. Любопытно было посмотреть, как сейчас живут мои старые знакомые.

Желание нашло живейший отклик.

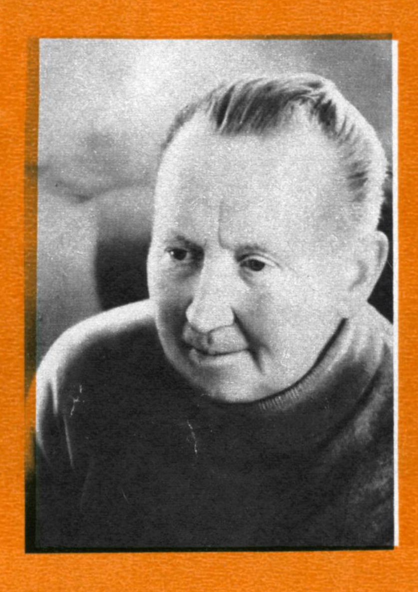
— Что Глюшовицы! Это богачи, — сказал мне знакомый чехословацкий журналист. — Вы поезжайте в обычный кооператив. Точнее будете судить о целом. Не так ли?

Действительно, из кирпичиков складывается дом. И чем они лучше, тем крепче стены. А передовой кооператив особый — это как бы несущая балка дома.

Был назван кооператив «Фридштейн».

Утро в Праге выдалось теплое, пасмурное, больше похожее на мартовское, чем на зимнее, январское. Никаких цветовых контрастов. Низкое небо, словно гигантский грифель, заштриховало все в один печальный тон: и улицы, и парки, и Влтаву. Поэтому, когда через три часа, миновав невысокий перевал, машина выскочила в окруженную горами долину, глазам стало больно от обилия света. Потоки его хлынули и с неба и с земли. А воздух был так вкусен и душист, словно грызешь антоновское яблоко. Счастливое сочетание красок, света и воздуха.

«Фридштейн»,— прочитал я на дорожном указателе при въезде в деревню, осыпанную искрящимся снегом. Написал «деревня» и усомнился в точности слова. Живописный поселок широкооконных двухэтажных коттеджей скорее напоминал курортный городок. Внешне ничто не выдавало рода занятий его жителей. Расчищенные асфальтовые дороги у широких ворот гаражей, вмонтированных (позволю себе так сказать) чуть ли не в каждый дом,— красные, голубые, зеленые автомашины. Животноводческая ферма, машинно-тракторный двор, ремонтный цех, хранилища кормов и овощей напоминают современный промышленный комплекс. Все очень компактно, рационально, ритмично, красивые линии и формы.

Председатель кооператива «Фридштейн» Карел Мелихар.

По названию деревни и кооператив — «Фридштейн». Его председателя Карела Мелихара я нашел в конторе. Из-за письменного стола поднялся плотный, среднего роста человек в бежевом свитере. Голубые глаза приветливо улыбались. За другим столом сидела черноволосая молодая женщина, как оказалось, главный финансист кооператива — бухгалтер и счетовод. На стене обычные старинные ходики. В углу чугунная печка, пышущая жаром. Убранство конторы более чем скромное.

— Минимум затрат, — угадывая мои мысли, сказал Карел, — кооператив маленький, всего земли-то четыреста гектаров, а работают в нем семьдесят два человека.

К нам журналисты не ездят, тем более иностранные. Кооператив обычный. Как у вас говорят, «не маяк».

Но чем больше я узнавал подробностей о радостях и заботах кооператива, тем менее убедительно звучало слово «обычный». Ну как же «обычный», думал я, записывая цифру за цифрой, которыми был начинен, словно пирог изюмом, рассказ председателя: четыреста коров, пятнадцать тракторов, два комбайна, экскаватор, бульдозер, два грузовика. В те годы, когда Карел Мелихар организовывал кооператив, о машинах и не мечтали. Но дело не только в количестве машин, оно в качестве самой жизни. Даже крепкому крестьянину, чтобы свести концы с концами, приходилось гнуть спину от зари до зари, а теперь кооператор работает всего лишь по четыре часа в смену, раз в неделю выходной, отпуск трехнедельный оплачиваемый. Заработки? Механизатор, строитель (есть такая профессия во «Фридштейне») — до трех тысяч крон, а остальные — от тысячи восьмисот и выше. «Что это значит? Войдите в любой дом и увидите». Я вошел в тот, на который сам указал. Он не новый. Дверь открыла хозяйка, Ирина Краузова, растениевод и животновод. Рядом с ней, помахивая пушистым хвостом, стоял пес.

— Он добрый, не укусит, проходите.

В доме пять комнат. Обставлены добротной мебелью. А чехословацкую мебель советские люди хорошо знают. В гостиной телевизор. Кафельная кухня оборудована по последнему слову техники.

Ну как же «обычный», снова думал я, осматривая хозяйство кооператива. Коровник механизирован от доставки кормов до вывозки молока. Другой, еще более современный, скоро вступит в строй. Задерживают приглашенные из фирмы электрики.

— Остальное все делаем сами,— сказал Карел, — в кооперативе есть строительная бригада. И дома тоже нашей работы. Потом кое-что покажу.

Машинный двор — бетонированная площадка с бензоколонкой. Ремонтный цех невелик, но удобен, просторен. Трудятся в нем вчерашние заводские рабочие.

— Идут к нам из города, просятся. Приняли недавно двоих, Карела Гануша и Ярослава Фотра. Теперь не сразу рабочего от крестьянина отличишь. Денег они получают столько же, а воздух тут у нас лучше. Может, я и ошибаюсь... А вот и то, что хотел я вам показать.

Мы подошли к трем коттеджам, уютным даже снаружи. Или это лучи заходящего солнца сделали их такими теплыми, располагающими к мирной, счастливой жизни?

— Для молодоженов построили. Пока вот не решили, продавать их в рассрочку или сдавать за плату.

Удачливо начинают жить молодые кооператоры. Должны по-доброму оценить заботы старших поколений, поколений, которые в 1948 году под руководством коммунистов завоевали власть, построили социализм. Именно новый общественно-политический строй создал условия для расцвета чехословацкого крестьянства.

...В конторе нас ждал горячий, душистый кофе. В полной уверенности на положительный ответ я спросил:

— А клуб у вас с кинозалом?

Карел Мелихар, готовый было уже отпить глоток кофе, поставил чашку на блюдце и, сощурив голубые глаза, сказал, что клуба нет.

Идет урок в местной школе.

С перевала открылась деревня Фридштейн.

Дальше развивать клубную тему я не стал. Помолчав некоторое время, задал другой вопрос:

— Представим себе на секунду невероятное предложение — распустить кооперативы. Как бы реагировали на это крестьяне!

— Действительно, невероятное. Я бы назвал его мертвым предложением,— сказал Карел и покачал головой.— Отвечу же я вам живым примером. Помните, в шестьдесят восьмом враги социализма подняли в Праге бучу. Так вот, оставался в нашей деревне до той поры последний единоличник Ганyш Валем. Имел девять гектаров земли. Жил сносно. Правда, вообще-то хуже любого кооператора. Ждал, на что-то надеялся. Казалось бы, ветер подул в его сторону. А он вдруг явился в контору и просит: «Примите, в кооператив надумал...» «Почему именно теперь!— спрашиваем.— Где раньше был!» «Правда за вами. Может, мой голос и не громок, но все же...» Приняли.

Солнце погасло. В окна конторы вползали сумерки.

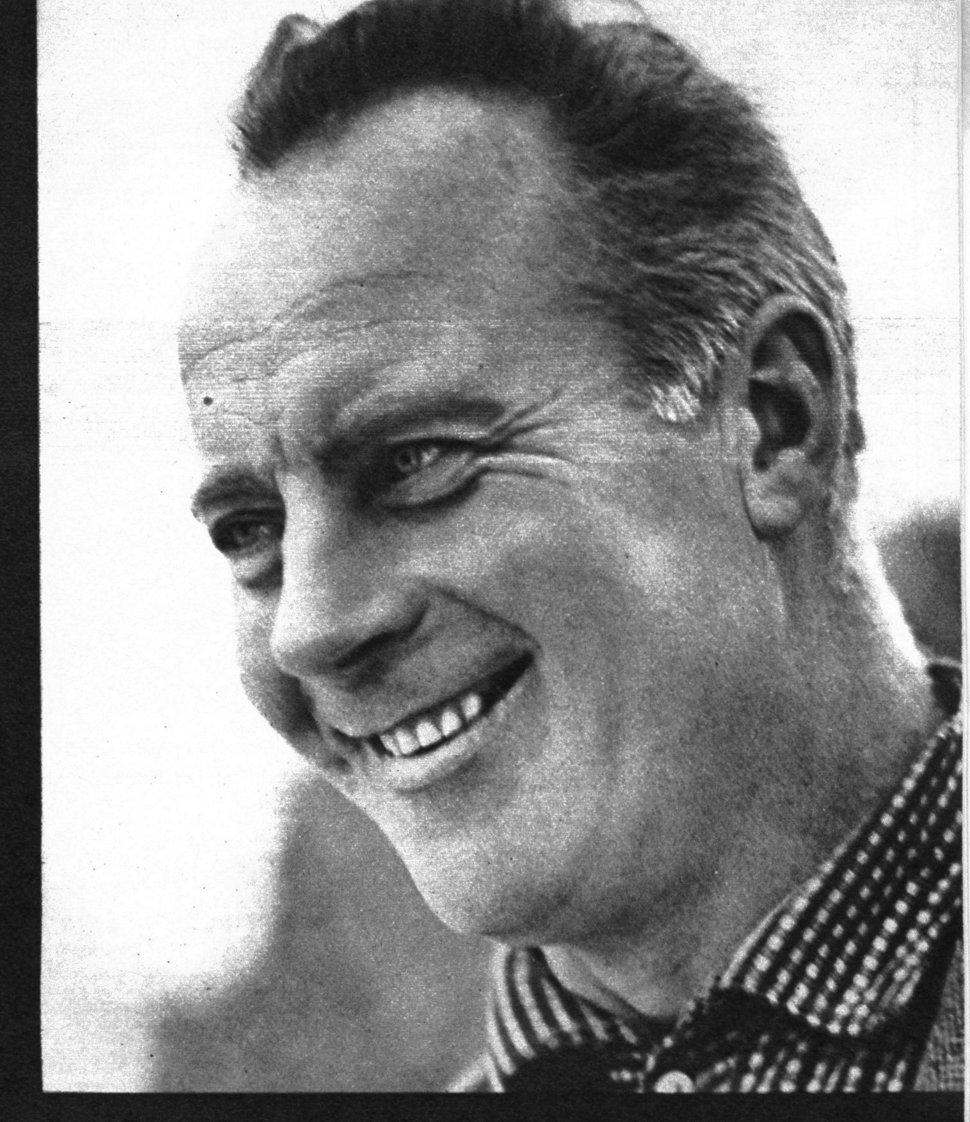
— В это время у нас любят посидеть за чашкой кофе. Идемте.

Как же было не взглянуть на вечер чешской деревни! И мы отправились в кафе. Большой бильярд стоял посреди зала. За одними столиками пили кофе и читали газеты, за другими играли в шахматы, за третьими несколько мужчин что-то оживленно обсуждали. Вошли еще двое — пожилой мужчина с впалыми щеками и упитанный молодой человек. Первый взял пиво, второй — кофе. Сделав по глотку, они начали партию в бильярд.

— Клуба с кинозалом пока во «Фридштейне», к сожалению, нет,— сказал улыбаясь Карел Мелихар.

...По дороге в Прагу снова вспомнился Иосиф Троусил, записавший много лет назад в своем дневнике: «Работать сообща. И все будут свободны от нужды и богаче каждый».

С крестьянской дальновидностью записал.

Зоотехник Иозеф Стейскал.

Ветераны Словацкого национального восстания. Слева направо: Иван Литвай, Ладислав Сташко, Вилиам Павел Фендт и Ладислав Калина.

Музей Словацкого национального восстания в Банска-Бистрице.

Прага. На Староместской площади.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Сталевар Восточнословацкого металлургического комбината Антон Торма.

Эти автомобили только что сошли с конвейера завода «Шкода» в городе Млада Болеслав.

Вечерняя Прага. Огни Вацлавской площади.

В ТЕ ПАМЯТНЫЕ ДНИ

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ОГОНЬКА» В БРАТИСЛАВЕ

Вот он, Дунай, могучий и полноводный, и вовсе сейчас не голубой, а тяжело-свинцовый. Гостиница, где мы живем, стоит на набережной. Когда ни посмотришь в окно — Дунай выглядит непривычно пустынно. В эту зимнюю пору он безработный. Зато красавец мост не знает ни минуты передышки. Только вечером, когда Братислава зажигает огни, мост затихает, отступает в темноту, и над рекой повисает нарядная гирлянда электрических лампочек.

У этого моста необычное название — его нарекли именем Словацкого национального восстания.

Мы приехали в Братиславу, чтобы разыскать одного из участников этого восстания. Пришли в ЦК Словацкого союза борцов-антифашистов и в кабинете генерального секретаря Союза Петера Дудаша встретились с его фронтовыми друзьями. Мы сказали, что хотим напомнить читателям «Огонька» страницы истории восстания. Совет бывших подпольщиков и партизан был недолгим: каждый расскажет о самом памятном. Первое слово — 75-летнему Вилиаму Павлу Фендту. В дни восстания он был уполномоченным по здравоохранению Словацкого национального совета, иначе говоря, министром. «Это наш красноармеец!» — с доброй улыбкой представил его товарищ Дудаш. В ноябре 1916 года Фендт попал в плен на румынском фронте. Пешком добрался до Черновиц, потом в Дарницу. В конце концов оказался в сибирском городке Ачинске. Там, в лагере военнопленных, узнал об Октябрьской революции.

— Для меня не было вопроса, с кем я,— говорит ВИЛИАМ ФЕНДТ.— Вместе с рабочими батальонами я встал на защиту революции и участвовал в подавлении выступления чехословацкого легиона, поднятого контрреволюционными офицерами.

Долго добирался на родину, а приехал — угодил в «политкарантин». Боялись тех, кто вернулся из красной России. Жандармы не спускали глаз, пока учился в университете, да и потом, когда стал работать. Но «не углядели» — организовал в Высоких Татрах Союз чехословацко-советской дружбы. Часто жандармы делали обыски в доме, а все без толку. И только в тридцатом году стало известно, что я руковожу татранской партгруппой. Выгнали тут же с работы; перебрался в Братиславу и ушел в подполье. Это были дни, когда в Испании патриоты сражались за свободу. Мне поручили переброску наших добровольцев в Испанию. Наступил сентябрь 1938 года, когда чехословацкая буржуазия из-за страха перед народом принесла свою страну в жертву фашизму. Появилось послушное Гитлеру «автономное» словацкое правительство Тисо. Но коммунисты, несмотря на преследования, продолжали борьбу, разоблачая предательство национальной буржуазии и социал-демократов, которые с ней спелись.

В сорок первом году меня арестовали — я был членом подпольного горкома Братиславы — и осудили на пожизненную каторгу.

Почти два года провел в братиславской военной тюрьме. Бежали мы оттуда в канун восстания вместе с Ладиславом Сташко. О нашем побеге расскажет Ладислав.

В Банска-Бистрице находился тогда штаб движения сопротивления — Словацкий национальный совет. В него входили не только коммунисты, но и другие представители антифашистских сил.

Уже первого сентября 1944 года совет объявил, что берет на себя всю законодательную, административную и исполнительную власть. Надо вам сказать, что все мы, члены совета, исполнявшего функции революционного парламента, вели огромную работу — занимались снабжением населения и армии, организовывали жизнь на освобожденной территории, заботились о работе транспорта, почты, школ, больниц.

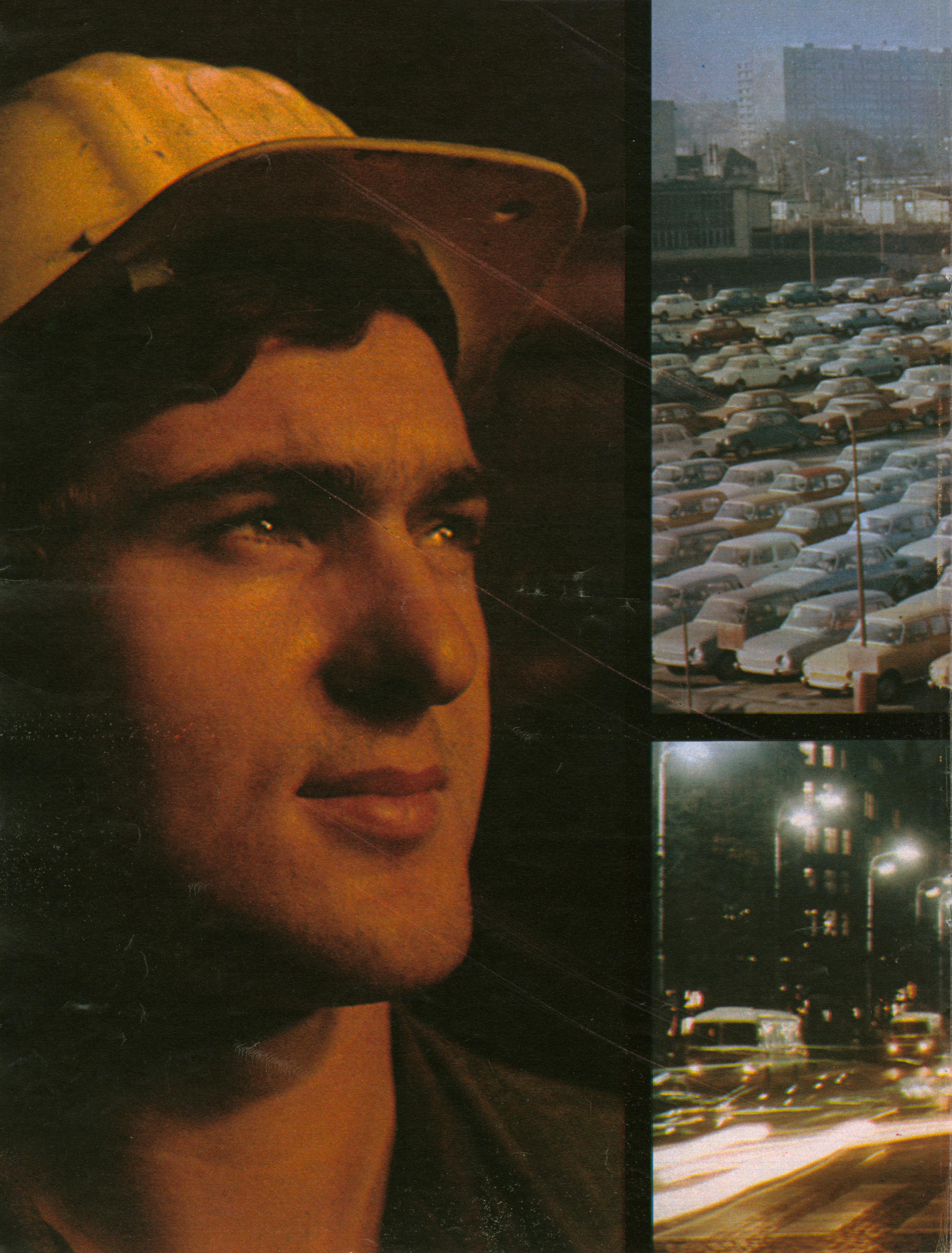
— Прежде расскажу, как я попал в тюрьму, из которой бежал с Вилиамом Фендтом,— вступил в беседу ЛАДИСЛАВ СТАШКО, секретарь ЦК Словацкого союза борцов-антифашистов, кавалер четырнадцати чехословацких и советских наград, полученных за доблесть и отвагу.

— В сентябре сорок второго года меня в звании старшего лейтенанта направили на фронт. Первым делом я стал искать связей с партизанами. Познакомился с капитаном Яном Налепкой. У него уже были такие связи, и вскоре Ян благополучно перешел со своими солдатами к партизанам. Из нашей роты бежало 11 человек. Мы стали партизанами отряда имени Суворова бригады имени Фрунзе. Командовал отрядом Ключко, сейчас он живет в Бресте, а я у него был заместителем по разведке. Воевали мы дружно, стояли друг за друга, словно братья.

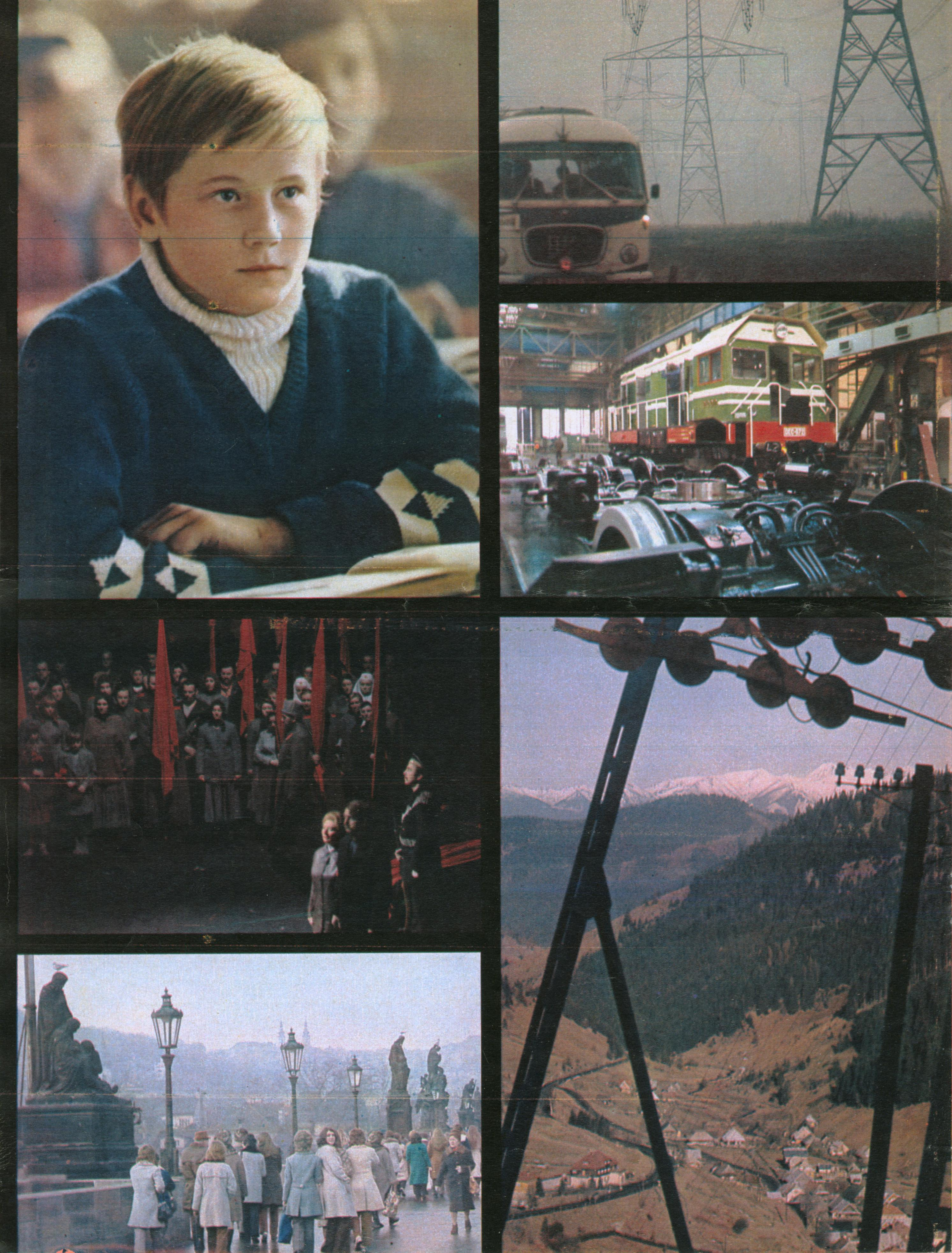
В феврале сорок четвертого года я был тяжело ранен в боях и оказался в плену. Гитлеровцы бросили меня в тюрьму: сначала в Барановичах, потом в Берлине, Вене и, наконец, как «военного преступника» выдали «родному» пра-

Фото Ю. КРИВОНОСОВА и А. НАГРАЛЬЯНА.

вительству. В апреле сорок четвертого года меня приговорили к смерти «за предательство народа» и отправили в братиславскую тюрьму.

А на воле готовилось восстание, и каждый, кто мог встать в его ряды, был на счету. Разработали несколько вариантов нашего побега. Бежали впятером, вместе со своим тюремным сторожем Франтишеком Дубравцом.

Нам повезло — поезда в Банска-Бистрицу местные власти уже не проверяли, а гитлеровцы, вступившие в Словакию, еще не успели наладить этот контроль. Я появился в штабе восстания совсем больным — сильно разболелись раны. Днем я работал в штабе, а ночевал в госпитале. Так и воевал, пока не получил приказ улететь в Советский Союз на одном из самолетов, которые доставляли нам оружие. Во Львове попал в госпиталь долечиваться. Там и узнал, что создается чехословацкий авиационный полк. С ним я и вступил в 1945 году в Прагу.

А теперь слово берет ИВАН ЛИТВАЙ. В дни восстания ему не было 19 лет. Еще в тридцать девятом году школьником он распространял листовки, призывавшие к дружбе с Советским Союзом. В 1944 году он среди организаторов сопротивления в городе Турце. Потом воевал во 2-й партизанской бригаде. Теперь в ЦК КПС руководит отделом школ и науки.

— Повстанческая армия и партизанские отряды были главными силами восстания. Я вел работу среди гражданского населения и прежде всего среди молодежи моего родного города Мартина и окрестных деревень. Еще до прихода гитлеровцев в нашей деревне существовала подпольная молодежная группа. Ею руководил сначала журналист Штефан Громек, а потом Павел Гулец. У него мы часто собирались, там впервые я встретился с советским человеком. Его звали Сергей, он был офицером и бежал из концлагеря. Павел прятал его у себя весной сорок четвертого года. Сергей погиб в бою у деревни Чремошно, я так и не узнал его фамилии. Но я понял, как велика сила духа советского человека и как близок нам этот народ. У него мы учились воевать и черпали веру в победу. Рядом с нами сражались советские солдаты и офицеры. В народе о советских десантниках-партизанах ходили тогда легенды. А они уже были совсем рядом.

— Я хорошо знал советских десантников, о которых рассказывал Иван Литвай. Мы участвовали в одних операциях вместе с ними,— говорит ЛАДИСЛАВ КАЛИНА.

Сейчас инженер Калина возглавляет Государственную инспекцию по качеству продовольственных товаров Словацкой Социалистической Республики. А в прошлом командовал партизанской бригадой «За освобождение славян». В сорок третьем году офицер запаса словацкой армии Ладислав Калина перешел на сторону Красной Армии. Вскоре оказался в Киеве, на курсах при Украинском штабе партизанского движения. Там готовились группы, которым предстояло сражаться на территории Чехословакии, Румынии, Венгрии.

— Еще в июле 1944 года в районе Низких Татр в деревню Липтовска Осада была сброшена первая группа парашютистов во главе с советским офицером Величко. Их задание — создать базу для приема дальнейших десантов. 6 августа на эту базу была сброшена моя группа, потом группа Егорова, Ушьяка, Белика. Эти малочисленные отряды быстро росли. В моей группе, когда мы приземлились, было 15 человек, к началу восстания — 400, а в сентябре — до двух тысяч человек. Большую роль сыграло жившее в нашем народе чувство любви к Советской стране. Люди радовались, узнав о прибытии партизанских групп: «Мы не одни, на помощь пришли советские командиры!» В Мартине на нашу сторону перешла часть гарнизонов, передав нам оружие. Все население помогало: школьники, пробираясь через горы, доставляли винтовки, гранаты. Партизаны в Ружомбероке и Микулаше, ободренные присутствием советского десанта, действовали смело и дерзко. Получив от разведки сведения, что из Румынии через Мартин возвращается поездом германская миссия во главе с генералом Отто, партизаны под командованием словацкого капитана Кухты задержали ее и ликвидировали полностью. Успех этой операции всех ободрил, о Кухте говорили, как о герое.

Говорит ПЕТЕР ДУДАШ, бывший командир партизанского подразделения. Кавалер ордена Отечественной войны I степени, Чехословацкого боевого креста и ордена Словацкого национального восстания, ныне Генеральный секретарь ЦК Словацкого союза борцов-антифашистов.

В трудные для страны дни после событий 1968 года он возглавил воссозданный Союз борцов-антифашистов. О результатах этой работы красноречиво свидетельствуют цифры: в 1969 году в Союзе было 30 тысяч, сегодня — больше 70 тысяч. Созданы 1 345 первичных организаций.

— А я попал в партизанский отряд Ивана Шубина. Он действовал в районе Балигруда, на польской территории. Здесь узнал о том, что сброшена десантная группа Егорова и что в Словакии восстание. Командир собрал нас, сказал: «Принимайте решение — тут остаемся воевать или будем пробиваться через Карпаты, к отряду Егорова». Мы решили: «Пробьемся!»

И стали пробиваться. Добрались до деревни Верхняя Рапушица, заночевали. Утром тронулись через Дворце, тихая такая на вид лежала деревенька. Не знали мы, что этой ночью сюда прибыла и окопалась в лесу рота гитлеровцев. Вышли на поле, а разведку выслали вперед, чтобы узнать, нет ли мин. Разведка прошла. За ней двинулась вся группа. Я чуть-чуть поотстал, поправляя обмотку. Только нагнулся, как ухнули снаряды, засвистели пули, началось что-то невообразимое. На том поле мы потеряли тридцать человек. Кто сумел добраться до леса, тот и уцелел. Я спрятался с гранатой в кустах, вдруг шаги: ну, думаю, немцы лес прочесывают. Вижу, Шубин, а с ним еще трое ребят.

Через несколько дней собралось нас двадцать пять человек. Мы держали путь в Банска-Бистрицу.

Я был ранен и попал в госпиталь в Банска-Бистрице. Тогда уже был отдан приказ об отступлении в горы.

Шел октябрь 1944 года, гитлеровцы любой ценой стремились помешать нашему соединению с Советской Армией. 19 октября части эсэсовской танковой дивизии «Адольф Гитлер» перешли словацко-венгерскую границу. Это было началом одновременного наступления со всех сторон технически и численно превосходящих сил противника.

Когда началась эвакуация, мы, несколько раненых бойцов вместе с врачом, раздобыли повозку и отправились в Низкие Татры к партизанам... Через месяц я уже был на ногах и воевал в 4-й партизанской бригаде, собранной из бывших солдат словацкой армии. А с середины декабря разрозненные партизанские отряды укрепились, освоились с новым положением и начали активно действовать. В Словакии насчитывалось тогда около 17 тысяч партизан. Нацистам так и не удалось погасить пожар, разгоревшийся у них в тылу в августе сорок четвертого года!

— Я хочу подчеркнуть характерную особенность Словацкого национального восстания,— говорит председатель Федерального комитета Чехословацкого союза борцов-антифашистов МИЛОШ ГРУШОВСКИЙ. Имя этого человека вошло в историю молодежного движения Чехословакии. В 1936 году М. Грушовский стал организатором Словацкого союза молодежи. В дни восстания он был в штабе 2-й партизанской бригады, а затем инструктором партии в Западнословацкой области и связным партизанских отрядов.

— Хотя абсолютное большинство участников восстания были словаки, в нем действовали представители почти всех европейских наций: русские, украинцы, чехи, поляки, болгары, венгры, группа французских партизан. Я был членом подпольного ЦК Коммунистической партии Словакии, когда в 1943 году мы начали создавать первые партизанские группы. Но нас арестовали и бросили в тюрьму в разгар этой большой и важной работы. Бежал я оттуда уже на второй день восстания, согласно указанию товарища Густава Гусака. Он, будучи одним из руководителей Коммунистической партии Словакии, от начала до конца принимал самое деятельное участие в организации освободительной борьбы.

Долго воевать не пришлось — в бою меня ранило, а когда подлечился, был назначен инструктором партии в Западнословацкой области и связным партизанских отрядов. Положение было нелегким, так как Западную и Восточную Словакию мы потеряли в первые же дни восстания — первый удар гитлеровцев пришелся на эти области. Необходимо было приостановить натиск врагов. И советская военная помощь была оказана нам немедленно. Без нее мы не могли бы вести в течение двух месяцев открытую вооруженную борьбу с нацистскими дивизиями. Советские самолеты непрерывно доставляли боеприпасы и оружие. Советские командиры помогали организовывать партизанское движение, а воины 38-й армии совместно с 1-м Чехословацким армейским корпусом участвовали в памятной всем нам Дуклинской операции...

Заключает эту беседу ВИЛИАМ ШАЛГОВИЧ, председатель Центральной контрольной и ревизионной комиссии Коммунистической партии Словакии. Его жизненный путь начался в городе Мартине, где он участвовал в издании нелегальной газеты коммунистов. Потом был фронт, переход к советским партизанам и учеба в Рязанском военном училище. Политрук В. Шалгович — участник сражения на Дукле.

— В канун 50-летия СССР братиславский журнал «Жизнь» попросил меня ответить на вопросы рубрики «Мой друг в СССР». В Гомельской области в 1942 году я впервые встретился с советскими людьми. Это были партизаны.

От первой и последующих встреч с советскими людьми у меня сохранились незабываемые впечатления, потому что это были люди высоких моральных качеств. Один из моих боевых соратников, И. А. Артюхов, бывший командир партизанского отряда имени маршала Буденного. И. А. Артюхов, бывший комсомольский работник, большевик, героический партизанский командир, еще в самом начале партизанского движения в Брянских лесах учил нас партизанскому образу жизни, тактике партизанской борьбы.

Кстати, в тот период, когда группа капитана Яна Налепки стремилась вовлечь в антифашистскую борьбу как можно больше солдат бывшей словацкой армии, с группой встречался Кирилл Трофимович Мазуров, в то время секретарь подпольного ЦК комсомола Белоруссии, а ныне член Политбюро ЦК КПСС и первый заместитель Председателя Совета Министров СССР.

Корни дружбы и союзничества наших народов уходят далеко в прошлое. Они укрепились в дни нашей совместной борьбы. Об этом я написал в книге, посвященной подвигу капитана Яна Налепки.

...В тот день мы засиделись в кабинете Петера Дудаша допоздна, не замечая, как бежит время. А на следующее утро был сделан этот снимок у моста Словацкого национального восстания. Он жил своей привычной, торопливой жизнью; переносил с одного берега Дуная на другой взрослых и малышей, хлеб и станки, яблоки и новую мебель. Было совсем обыкновенное зимнее утро, но оно показалось нам особенным: у моста, построенного словацкими, чешскими, советскими и венгерскими рабочими, стояли седоголовые люди — живая история подвига народа.

Карел Гануш учится в седьмом классе школы деревни Фридштейн.

Сцена из оперы «10 дней, которые потрясли мир» в Национальном театре Праги.

На Карловом мосту всегда людно...

Энергетический пейзаж.

В цехах завода «ЧКД-Прага» рождаются мощные тепловозы.

Низкие Татры — любимое место отдыха трудящихся Чехословакии.

Юрий КРИВОНОСОВ,
Новелла ЦВЕТКОВА,
Специальные корреспонденты
«Огонька»

Самый молодой представитель кошицких металлургов — ученик 1-го класса ПТУ Юрай Ксеняк.

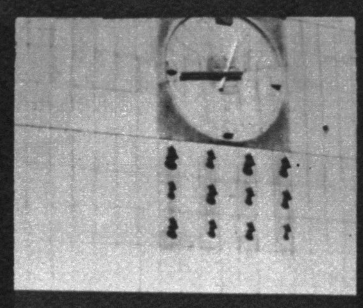
Мы думали, что Ботик один, а их оказалось очень много. Знакомство с этой семьей создало чудесное настроение. Нам приходилось бывать здесь и раньше, но теперь знакомые края раскрывались какими-то совершенно неизвестными до сих пор сторонами. И не только потому, что проезжали другие места, другие города и стройки. Главное, круг новых знакомых и друзей расширялся так стремительно, что появилось ощущение радостного открытия Словакии.

В Братиславу можно было добраться и более прямой дорогой, но сопровождавший нас в поездке сотрудник отдела печати МИД ЧССР Михал Ботик (еще месяц назад он был учителем) решил, что надо обязательно побывать в его родной Трнаве. Так мы попали в гостеприимную, дружную и веселую семью Ботиков. Семью трудовую и трудолюбивую. Отец Михал Ботик и мать Анна немало вложили сил, чтобы вырастить и выучить трех своих сыновей. Добрый заряд оптимизма и душевного здоровья, на которых замешены характеры братьев, чувствуется в каждом слове и жесте родителей. Супруги уже вошли в степенный пенсионный возраст, когда руки могут отдохнуть от тяжелого крестьянского труда, которому отдана вся жизнь. Младшего из братьев, смешливого и стремительного Штефана (он работает на вагоностроительном), даже недавняя автомобильная авария не обескуражила: Штефан женился на медсестре, которая

ВОЗРОЖДЕ

Михал Семчишак — ветеран комбината.

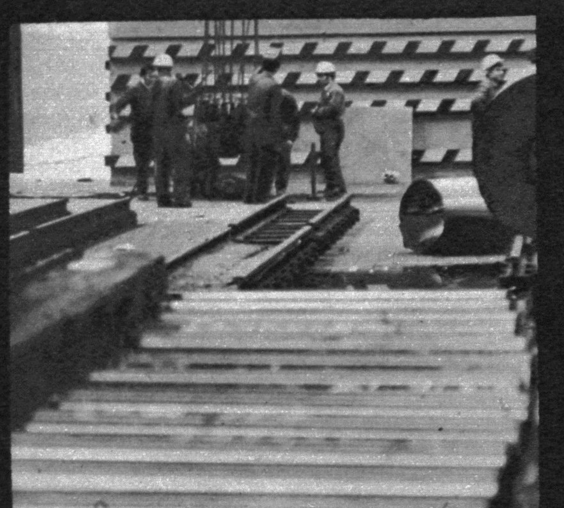
Братиславские куранты.

В этой бригаде монтажников работают словаки, венгры, украинцы.

Геометрия металлургии.

ННАЯ ЗЕМЛЯ

В цехе холодной прокатки.

Словацкие художники Михал Якабчиц, Вера Жилинчанова и Штефан Герстнер.

его лечила в больнице. Дочка Миши, пятиклассница Любица, целый вечер демонстрировала свои познания в русском языке. Третий из братьев, несмотря на свои тридцать с небольшим лет, уже доктор этнографии, и его часто можно увидеть на экране телевизора или в рабочем клубе, где он читает лекции о народном искусстве, ремеслах, обычаях. Две другие невестки — связистка Йозефина и учительница Гертруда. Вот сколько Ботиков под одной крышей!

Вечер прошел в беседе за кувшином легкого домашнего вина. Узнали все трнавские новости: вот-вот вступит в строй автомобильный завод, в этом сезоне хорошо играла городская футбольная команда. И о чем бы ни шла речь, каких бы серьезных тем ни касались, Ботики как-то удивительно сплетали серьезное с юмором. Чувствовалось, что люди по-настоящему счастливы. И счастье это — в их ощущении причастности ко всему происходящему вокруг.

Братислава встретила радушно, как старых знакомых.

Первая встреча с заместителем председателя правительства Словацкой Социалистической Республики — Юлиусом Ганусом. Он принял корреспондентов «Огонька» в резиденции народного правительства.

Юлиус Ганус рассказывал, как развивается республика в условиях федерации.

— Одной из центральных проблем послевоенного развития нашей страны была ликвидация отсталости Словакии, постепенное выравнивание уровней экономики чешской и словацкой областей. Это коренной вопрос. Ведь отсталость в промышленном развитии влечет за собой отсталость и сельского хозяйства и культуры, а как результат — жизненного уровня населения. Прежде Словакия не имела подлинной национальной самостоятельности. Обрести ее оказалось возможным только в условиях социализма, когда твердо проводится ленинская национальная политика.

Товарищ Ганус привел на память цифры. С 1948 по 1971 год промышленное производство Словакии выросло в 13 раз. Отдельные отрасли развивались еще динамичнее, например, химия — в 30 раз! Стремительно увеличивается производство жидкого топлива, пластических материалов, синтетических волокон и минеральных удобрений. База этого роста — нефть и природный газ из Советского Союза.

За пятилетку общий прирост промышленной продукции составит 55 процентов, сельскохозяйственного производства — 16, а национальный доход Словакии возрастет на 42 процента.

— Вы увидите это своими глазами,— заключил товарищ Ганус.

В тот же день мы беседовали с членом ЦК КПЧ, министром культуры Словакии Мирославом Валеком.

— Четырнадцатый съезд КПЧ определил ясную линию и в области культуры,— рассказывал он.— В условиях федерации в ЧССР одновременно развиваются в тесном взаимодействии чешская, словацкая национальные культуры и культуры других национальностей, живущих в стране. Но существует и культура чехословацкая, в широком понимании этого слова — культура социалистическая, которая отражает черты передового общественного строя.

Мы напомнили о прошлогодней встрече министра с корреспондентами «Огонька» в этом кабинете. В ней участвовали словацкие поэты.

Мирослав Валек посоветовал:

— А теперь расскажите о наших архитекторах. Ведь вся Словакия, можно сказать, заново отстроена и архитектурой своей заслуженно гордится. Неплохо бы повидаться и с художниками, у нас недавно была интересная выставка. И не забудьте, что за минувший год в республике вышли книги общим тиражом в миллион экземпляров. Для нас эта цифра весьма высокая.

Да, республика, по существу, отстроена заново. Половина населения живет в новых квартирах. По переписи 1970 года население Братиславы составляет триста тысяч человек. В ближайшие годы оно увеличится до полумиллиона. Решено перейти Дунай и строиться на другом берегу. Там, на месте сегодняшнего поселка Петржалка, в следующем году начнет возводиться дублер Братиславы с населением сто пятьдесят тысяч!

Обо всем этом мы узнали в Союзе архитекторов Словакии.

Из Братиславы путь лежал в Банска-Бистрицу. Новая, современная гостиница, в которой мы поселились, могла бы украсить любую столицу мира. Она была отличной иллюстрацией беседы с архитекторами. С двенадцатого этажа открылся прекрасный вид — до самого горизонта тянулись городские огни. Утром увидели новые, современные кварталы, здание музея Словацкого национального восстания. А возле него самолет с красной звездой. Вот он, один из советских самолетов, которые в 1944 году доставляли словацким повстанцам оружие и подкрепления...

Кошице — город, с именем которого связана важная страница истории Чехословакии. Здесь был оглашен исторический документ — Кошицкая правительственная программа, программа первого демократического правительства, созданного в дни, когда Советская Армия вместе с чехословацкими патриотами освобождала страну от фашистских захватчиков. Спроси любого прохожего, где дом Кошицкой правительственной программы,— всякий покажет.

Теперь тут музей. Потолок Красного зала расписан гербами ремесленных цехов. Среди них герб металлургов, потому что в Восточной Словакии металл плавили испокон веку. В прошлом столетии здесь даже были построены довольно крупные заводы. Они пришли в полный упадок во время буржуазной Чехословацкой республики, и только после освобождения страны от фашизма началось возрождение этой отрасли промышленности. Впрочем, даже не возрождение — начался новый этап в жизни всей Восточной Словакии. Он связан с рождением самого крупного в стране предприятия — Восточнословацкого металлургического комбината.

Руководители Восточнословацкого обкома партии рассказали о гигантских шагах развития этого прежде обездоленного края. В период буржуазной республики трудно было найти здесь семью, в которой не было бы человека, отправившегося за границу в поисках работы. При населении в миллион двести тысяч в промышленности было занято только двадцать тысяч человек! Особенно тяжело жилось представителям национальных меньшинств — украинцам, венграм, полякам и цыганам.

«Высшую школу» представляли два богословских факультета — католический и православный. Ныне тысячи студентов обучаются в Кошицком университете, Высшем техническом училище, Высшем ветеринарном училище и в других учебных заведениях. Теперь только на одном Восточнословацком металлургическом комбинате работает двадцать одна тысяча человек. Благодаря ему население Кошице выросло более чем втрое, и более чем втрое увеличилось количество жилья — по темпам его строительства край вышел на первое место в республике.

Четыре крупных химических предприятия, десятки текстильных фабрик, множество заводов, производящих сложное современное оборудование,— вот лицо этого промышленного края.

Металлургический комбинат раскинулся на площади в 760 гектаров. Равного ему нет в стране. Он построен в сотрудничестве с Советским Союзом.

В цехе холодной прокатки произошла встреча с одним из «основоположников» комбината, бригадиром монтажников Михалом Семчишаком.

— В коммунистическую партию я вступил еще в 1937 году,— рассказал он.— Был деревенским парнем, родом из-под Кошице. В годы оккупации работал в подполье связным. С первого дня освобождения пошел в народную милицию. Получилось это так. Меня вызвал советский комендант города и сказал: «Надо обеспечить порядок!» Время было трудное, реакция не хотела сдавать позиций. Надел я красную повязку, собрал еще двести человек, раздал оружие из складов бывшей полиции. Охраняли почту, железную дорогу, все важнейшие городские учреждения... Весной 1945 года, когда в Кошице приехало правительство, я получил приказ обеспечить охрану Клемента Готвальда. Дежурил у дома, где он остановился, а потом в зале, где принимали программу, и в городском театре в момент ее провозглашения (я находился в ложе рядом с Готвальдом). Так что могу сказать: программа и родилась и была обнародована на моих глазах. Она-то и решила мою дальнейшую судьбу, которая безраздельно связана с социалистическим строительством, с металлургическим комбинатом. Я ведь хорошо знаю, что значит иметь работу. В годы буржуазной республики, помню, выдавали мне государственную бумагу, дающую право трудиться... десять дней в месяц. Ну, а бумагой, как известно, сыт не будешь.

Коммунистическая партия и социализм дали мне и работу, и дом, и этот гигантский комбинат. Меня направил сюда обком партии, когда еще кругом было поле. Сначала работал бригадиром строителей, затем слесарем. Пока строили мой цех, год стажировался в Запорожье. Помню, как советские друзья, не жалея сил и времени, передавали свои знания, как приучали вникать во все детали производства. Сейчас работаю на монтаже подшипников. Бригада наша интернациональная — словаки, венгры, украинцы. И оборудование в цехе интернациональное. Видели прокатные станы? На них эмблемы советских и чехословацких заводов.

Прощаясь, Семчишак добавил:

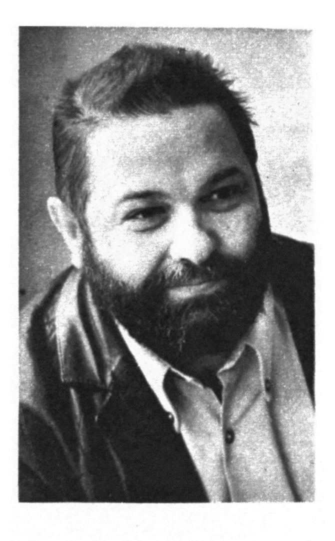
— В этом году мне исполняется шестьдесят. Только о пенсии и думать не хочу — не смогу без завода. Я тут секретарь первичной партийной организации и два года член парткома цеха. У нас сто четыре коммуниста, недавно в партию пришли двенадцать ребят из союза молодежи. Народ надежный, можно положиться.

Антон Торма — один из них. Профессия у Антона самая горячая — сталевар, работает в конверторном цехе. На комбинат он пришел шесть лет назад, тогда же вступил в КПЧ, сейчас ему двадцать семь лет.

— Я стал коммунистом потому, что хочу помочь стране не только работой, но и участием в общественной жизни,— говорит Торма.— Избрали меня членом партийного комитета цеха, так что дел много. Планы? Буду учиться дальше, обязательно окончу институт. И еще мечтаю, чтобы у нас было трое детей, так и жене, Дагмаре, сказал — трое, и не меньше! Зарабатываем мы вдвоем прилично, на черный день откладывать не надо, а дети — большая радость. И за будущее их беспокоиться не приходится.

«Огонек» выражает сердечную благодарность отделу печати МИД ЧССР, посольству ЧССР в Советском Союзе, а также всем чехословацким товарищам, которые участвовали в подготовке этого номера журнала.

Перевод статей Л. ЖУКОВОЙ.

ЕЩЕ НЕ ОСЕНЬ...

Юлиан СЕМЕНОВ

РАССКАЗ

Рисунки П. Караченцова.

1

Лес был сизый. Туман клубился зримо, рождаясь в сине-зеленом мшарнике. Стволы сосен казались черными оттого, что ночью прошел дождь. Небо было низким; оно начиналось от самых корневищ деревьев и пробивалось сквозь чащобу острыми солнечными высверками.

В лесу было тихо. Только слышалось, как изредка тяжело переваливалось близкое море и вода шершавила по серой гальке, пенно исчезая в ней, и снова наступала тишина, становившаяся гнетущей, когда кричали чайки...

Серебровский боялся пошевелиться, чтобы не разрушить то, что в нем появлялось каждое утро, пока он жил здесь. Это было сладостное чувство, и он не мог объяснить себе, в чем же сокрыто оно: то ли в тишине и одиночестве, и в этом громадном сосняке, и в море, над которым летали чайки, и в том, как утопали ноги во мху, пока он шел к своей лодочке, чтобы, оттолкнувшись веслом, уйти рыбачить; то ли в незнакомом ему доселе ощущении покоя — тревожном поначалу и таком привычном теперь.

«Наверное, это и есть старость,— подумал он, решив, что пора вставать и что не сохранить уж более это утреннее, тихое счастье просыпания.— Старость — это когда можешь позволить себе раствориться в лесе».

— Дед! — услышал он голос шофера Ромки. Тот каждое утро развозил рыбаков по тоням и на обратном пути забрасывал Серебровскому хлеб.— Дед! Вставай!

Ромка посигналил еще раз, потом Серебровский услышал, как жестяно хлопнула дверь машины, и звук этот был противоестествен в здешнем лесу, и услышал, как Ромка спрыгнул на дорогу.

«Сейчас он ляжет в мох и закурит «Дымок»,— подумал Серебровский и поднялся с кровати. Он сделал эту кровать в первый день, когда только приехал сюда. Он натаскал в сарай еловых лап, сверху постелил одеяло, а потом положил надувной матрац; вымыл пол, затащил диковинный пень, прибил к этому пню доску, обчистил ее ножом, и пень стал красивым, пахучим столом; протер стекла, чудом сохранившиеся в окошке; нашел несколько красивых, жутковатой формы корней, расставил их по сараюшке, и стало у него красиво и странно, будто он здесь живет давным-давно. Он вообще обживался быстро и любил, чтобы вокруг было красиво и странно.

— Дед! — снова закричал Ромка.— Рыбалку проспишь!

«Это он докурил свой «Дымок»,— определил Серебровский,— и сейчас скажет, что хлеб оставит на корнях, около камня».

— Я хлеб на корневище оставлю! — закричал Ромка.— Около камня плесневелого!

Серебровский вышел из сарая, когда Ромка вспрыгивал в кабину.

Ромка уехал, а Серебровский, подняв с корней хлеб, занес его в сарай, взял спиннинг и пошел к лодке. Солнце уже поднялось над морем. Небо с каждой минутой меняло свои цвета, превращаясь из белого, дымного, серого, синеватого — в голубое, размытое невидимым, а лишь ощущаемым розовым.

Серебровский оттолкнулся веслом, нос лодки гладко разрезал воду, камни на дне стали увеличиваться и темнеть, потому что дно здесь было пологое, вода прозрачная, и даже пятак, который Серебровский как-то бросил с лодки, казался громадной желтой лепешкой.

«Угол преломления зависит от угла падения света и от коэффициента среды, через которую свет проходит,— машинально отметил Серебровский.— Тьфу, пакость какая... Даже красоту я подтверждаю уравнением. Бедные интеллектуалы, как они нас ненавидят... И, между прочим, с ними трудно спорить, хотя они неправы. По-человечески они справедливей нас, но с точки зрения прогресса они теперь похожи на инквизицию. Революционная инквизиция — неплохой термин, а?»

Он подгреб к маленькому каменистому островку, бросил якорь, привязал выточенную из плексигласа собственной конструкции блесну, поплевал на нее и метнул к чуть видной каменистой гряде — щука сейчас должна ходить поверху.

«Я хорошо забросил,— подумал он,— далеко и как раз возле гряды, но сейчас она не возьмет».

Он выбирал леску, точно зная, что щука не возьмет на этот раз. У него вообще было очень сильно развито предчувствие, и однажды лечащий врач посоветовал ему попить седуксена, чтобы успокоить нервы, но Серебровский тогда сказал, что нервов нет, а есть душа и жизнь, которые никогда не совместимы, и чем больше несовместимость окружающего с конкретной особью, тем больше будет пользы «высеканием», тем активнее будет процесс «корреспондирования» личности и общества. «Это,— продолжал Серебровский,— очень полезно обществу и гибельно для личности, но черт с ней, с личностью, в конце концов, поскольку общее — как ни крути — всегда значимее частного и оборачивается пользой другим частным, составляющим одно общее». Доктор с этой версией не очень-то согласился, но спорить не стал, потому что переубедить Серебровского было невозможно. «Характер — это данность,— как-то сказал ему Серебровский,— его можно сломать, но нельзя изменить. Во всяком случае, на теперешнем уровне развития генетики и биофизики».

...Серебровский забросил блесну еще раз и точно ощутил, что сейчас, сразу же, как только грузило утащит плексигласовую прозрачную рыбку на дно, щука схватит ее, и он почувствует рывок, и сердце замрет, а потом напрягутся все мышцы, и даже пальцы ног станут неживыми, напряженными, как у бегуна перед стартом, и лицо зальет краска, и перехватит дыхание.

— Оп! — сказал Серебровский, почувствовав, как рыба схватила блесну.— Ну что?!

Он подсек, красиво подсек, и начал выбирать леску, и сначала удивился тому, как легко шла леска, словно он взял не щуку, а судака — тот всегда первые мгновения покорно идет к лодке,— глубинный, он, вероятно, переживает шок и приходит в себя, когда видит над собой не черную твердь воды, а близкую, пузырчатую, зеленоватую хлябь неба.

Серебровский увидел щуку, когда она была метрах в трех от лодки. Она поднималась из глубины, как подлодка, и шла она медленно, словно бы пружинясь, и щука была большой, и Серебровский почувствовал, какая она скользкая, и даже ощутил, какая она холодная и сильная, и как она будет вырываться, когда он забагрит ее, и схватит под жабры, и бросит на дно лодки.

Когда до борта оставалось полтора метра, щука резко пошла вниз; она исчезла, словно бы ее и не было, а на том месте, где она была, еще секунду стояла ее тень — зловещая и черная. Серебровский отпустил леску, придерживая ее пальцем, а второй рукой полез за сигаретами.

«Давай, давай,— подумал он,— давай, милая. Подерись, а то у меня испортилось настроение, когда ты покорно шла ко мне. На кой черт ты нужна мне такая? Такую можно купить... Ты подерись, тогда я обрету в своих глазах еще большую значимость — я победил хищника, и я буду рассказывать про тебя друзьям, когда уеду домой... Помнят лишь то, что с трудом дается, все остальное забывается, скоро забывается...»

Он почувствовал, что рыба остановилась где-то в глубине, и начал наматывать леску на катушку, и снова рыба покорно шла к лодке, и снова она исчезла, когда до борта оставалось метра три, и снова после нее стояла в воде длинная тень, но теперь она уже не казалась черной, а была густо-зеленой, потому что солнце поднялось еще выше.

Рыба начала метаться, и Серебровский понял, что она устала, и взял ее легко, и бросил себе в ноги, и увидел, какая она сильная и большая.

«Эту старую щуку хорошо бы отварить с молоком,— подумал Серебровский.— А если бы я поймал судака на глубине, в горловине, и несколько окуней, а потом пару пескарей, я бы мог сделать уху по-царски».

Серебровского однажды угощали царской ухой. Это было в Астрахани, за Икряным. Ему казалось, что уха по-царски должна обязательно вариться из стерляди, но бакенщик Феодосий, у которого он тогда жил во время путины, объяснил, что это неверно и что высший смысл царской ухи состоит в ином.

— Смотри, Яковлевич, — объяснял он Серебровскому, пробуя уху на вкус,— смотри и запоминай, помру — хрена тя кто этому обучит. Сейчас пора пришла другая, торопливая. Знаешь, как мой брат все объясняет? Он умный, ему только думать осталось, ноги-то отчекурыжило во время войны. Он говорит, что-де, мол, раньше, в былые времена, когда по пескам тут караваны ходили, случай приключился... Укропа еще ввали и перчику малость... Хорош. Будет... Да, так вот, увидал купец — караван идет, интересно купцу — куда и с чем, вот он и говорит работнику своему, пареньку, беги-де, мол, узнай, что и к чему. Побег парень, стрелой вернулся, пыхает — потный весь, и морда красная. «С солью,— говорит,— караван». Купец-то и спрашивает: «Куда идет?» Парень снова бегом. Возвертается, рубаха на спине вычернела с поту: «В Красноводск идет». А купец: «Кому караван принадлежит?» Побежал парень, а язык на боку, присердать начал, отдых ему потребен. Купец тогда своего помощника, старикашку, кликнул и велел следом за парнем бечь. Ну, побег старик. Молодойто вернулся и отвечает, а в глазах у самого сухота, и язык как рашпиль: «Господина Кудеярова караван». И оммяк, спекся. А старикашка-то вернулся неторопливо, личико рукавом отер и доклал купцу, что-де, мол, соль баскунчакская, с голубью, третьей очистки, подрядил Кудеяров продать ее персидскому купцу Ахмету за семь гривен пуд, но ежели потторговаться и предложить семь с половиной гривен и караванного старосту, Григория Исаевича Грибова, попоить и задобрить сапогами с хрома, то караван завернет и соль сам разгрузит у седьмого пакгауза — там подход удобней... А ныне кто так работает, по-стариковски? То-то и оно — все норовят бегом, а мимо все бегут, мимо... Так что учись, Яковлевич, докуда живой я. У меня в затылке ломота — к смерти это, да и врач в глаза не смотрит, все в лоб мне глядит, в лоб... Еще лавра кинь. Хорош. А теперь пескаря. С этого и пошла царская ушица. Пескаря мы с тобой выварим, потом выймем, он клейкость даст воде, вроде как всех других рыб соединит. Выймем его и щуку кинем. Она для вкуса жесткоту даст и силу — щука рыба сильная, от нее ноги крепнут. Откипит белой пеной, мы и ее выкинем, и бросим в котел карася и карпа для сладости. А уж потом белужью головизну, коль стерляди нет. А как сымем с костра, в кипень молочка подольем — тут тебе и готова царева уха...

...Серебровский, вспомнив Феодосия, ощутил голод, под ложечкой заныло, он достал из клеенчатой сумки кусок хлеба, медленно прожевал, запил сладким чаем из термоса. Затем снова метнул блесну и порадовался тому точному, графическому эллипсу, который прочертила она в небе, и снова понял, что на этот раз щука блесну не схватит, и рыба действительно блесну не схватила.

Серебровский досадливо сплюнул и посмотрел на свое отражение в воде и долго, глядя на себя, размышлял: действительно ли видно, что волосы его седые и отросшая за две недели борода тоже седая, или просто он знает, что это так на самом деле, и примысливает водному зеркалу отсутствующие физические качества, дерзко покушаясь на извечность закона природы, который жесток и четок, как фронтовой продраспред...

Серебровский забрасывал в этом месте еще раз двадцать, но щука больше не брала — то ли жор прекратился, то ли здесь была однаединственная эта старая рыба, пришедшая к каменной гряде на песчаную отмель, чтобы погреться в одиночестве, застыв в спокойной расслабленности, когда не надо работать плавниками, чтобы, сопротивляясь течению, стоять там, где хотелось бы стоять; когда не надо напрягаться, набирая скорость, чтобы опередить других во время жора; когда можно быть самой собою — уставшей, старой щукой и не пыжиться, чтобы боялись другие, более молодые, и поэтому уступали лучшие места на утренней и вечерней охоте...

Серебровский выбрал каменный якорь, обогнул островок с севера, развернул лодку так, чтобы мягкое солнце грело лицо, и попробовал блеснить на глубине, на том таинственном водоразделе, где прозрачная, белая вода четко и устойчиво граничила с водой черной, масленой — глубинной.

«Здесь может быть судак, — подумал Серебровский, — если я возьму судака, тогда сразу же заложу его в тузлук, а завтра повешу на солнце, и он провялится дня за два, а как раз в субботу Ромка обещал привезти из Выборга дюжину пива, и я устрою пир: на сковородке поджарю в оливковом масле черный хлеб с солью, потом зажарю окуней и приготовлю уху по-царски».

Блеснил он долго, но рыба не брала. Он попробовал было новую блесну, тоже самодельную, из латуни, верткую, быструю. «Сам бы схватил — покажи издали», — шутил Серебровский. Но и здесь рыба не брала, и он, чтобы не портилось настроение, поехал к берегу, решив вернуться сюда под вечер, когда запоет комарье, и по воде пойдут точные, быстрые круги, и солнце будет плавить море, растекаясь по горизонту малиновым, зловещим цветом: перед тем, как исчезнуть на ночь, солнце словно бы пугает людей безысходностью розового марева, и красота природы в эти последние солнечные минуты делается тоскливой, как затаенное ожидание смерти.

«Черт, молочка хочется, — снова подумал он, когда кончил разделывать рыбу и побросал большие бело-красные куски в кипящую, дымную воду,— литр бы выпил, ей-богу...»

Он съел щучью голову, отнес котелок в сарай, чтобы комарье не набилось, нашел в карманах мелочь, взял флягу и пошел по тропке, мимо двух маленьких, заросших камышом озер, через луг, напоенный тяжелым гудом пчел, сквозь лес, где росли березы, и было ему так хорошо, как бывало в юности — детства у него не было, оно всегда казалось ему жестоким, горьким и несправедливым, и чем дальше он отходил от той поры, тем с большим недоумением думал о той несправедливости, и не мог найти однозначного ответа, и это раздражало его, приученного к точности — во всем, что касалось жизни, впрочем, смерти тоже.

Сразу за березовым лесом начиналась пойменная луговина, и по синим травам ходили коровы, и где-то вдали, словно на манеже цирка, сухо щелкал кнут пастуха.

«Наверное, доярки живут в том домике, что на взгорке, — подумал Серебровский,— туда и дорога идет».

Он посмотрел на часы. «Всего сорок минут,— отметил он, — я могу ходить сюда через день. Здесь напьюсь молока, а литр унесу с собой— фляга не мешает идти, руки свободны...»

— Эй, кто тут живой? — спросил Серебровский, подойдя к финскому домику. — Молочка можно купить?

На крыльцо вышла девушка в купальнике, с большим половником в руке, рассеянно посмотрела на Серебровского и закричала:

— Леня! Ленька! Когда надо сыпать соль?!

Никто ей не ответил, она вздохнула, еще раз посмотрела на Серебровского и рассеянно ответила:

— Мы сами молоко покупаем...

— А где доярки?

— Доярки? — переспросила девушка, потом замерла, потянула носом воздух и стремглав убежала в дом.

Серебровский пошел следом за ней. Девушка стояла на кухне и мешала уху, которая белопенно выкипала на раскаленную плиту. Она мешала уху неумело, и половник тоже неумело держала, и Серебровский сразу же угадал в ней нелюбовь к этому извечно женскому занятию — делать еду.

Глаза у девушки были длинные, но при этом большие, широко посаженные, нос курносый, со смешинкой, и две ямочки на щеках.

«Стереотип обаяния, — отметил Серебровский, — прямо с рекламного буклета «Женитесь! Вас ждет уют и ласка!».

Девушка осторожно отхлебнула уху из половника.

— Вкусно? — спросил Серебровский.

Девушка отрицательно покачала головой, и ее волосы точно повторили движение — такие они были густые и мягкие.

«Почему женщины обижаются, когда говоришь им про волосы — грива? — подумал Серебровский.— Что есть в мире лучше лошадей?»

— По-моему, дрянь, — ответила девушка, — горечь сплошная.

— Вы не очень-то любите это дело...

— Да нет, просто не умею.

— Мама не учила?

— Конечно... Вы же все считаете, что нас надо оберегать от плохого и грязного, что нам надо дать возможность спокойно жить, потому что вы слишком много мучились в молодости...

— Кто это «мы»?

— Старики — родители, кто же еще...

— Черт его знает,—ответил Серебровский.— Наверно, вы все-таки неправы... Мне кажется, что дело тут не в перенесенных лишениях... Просто, видимо, ваша матушка считала, что она приготовит лучше, чем вы, вкусней... И вы приучились к мысли, что это действительно так... Мы, старики,— вдруг улыбнулся он,— всегда считаем, что знаем больше и умеем верней...

— Неудачники из вашего поколения всегда склонны к подобного рода словесному мазохизму... А на деле вы все одинаковые...

Серебровский усмехнулся:

— На эту тему есть хорошие стихи.

— Из хрестоматии?

Серебровский подумал было, что лучше ему уйти, потому что нежность, сокрытая в этой красивой девушке, странно дисгармонировала с тем, как жестко и сухо она говорила, но потом он решил, что уходить вот так — побитым — как-то до обидного несправедливо, и еще спина у него сутулая, и седые патлы на затылке слежались, и брюки сзади порваны — как он ни забивал гвоздь в лодке, но все равно каждый раз приходилось зашивать зелеными толстыми нитками угольную, словно вектор, дырку; он представил себе, как девушка засмеется, глядя в его спину, и поэтому он достал сигареты, заметил, как девушка усмехнулась— опять так же жестко, увидав в его грязных руках пачку «Уинстона», покраснел отчего-то и начал читать стихи Пастернака, злясь на себя и понимая, как нелепо он сейчас выглядит.

Стихи сейчас были для него, как круг спасения в шторме, а еще кругами спасения стали глаза девушки, сделавшиеся вдруг иными — как у ребенка, который слушает интересную сказку, и поэтому он успокоился и дочитал последние строчки скучным голосом, потухнув, как победитель за мгновение перед победой:

И должен ни единой долькой
Не отступаться от лица,
Но быть живым, живым и только,
Живым и только — до конца.

Он вышел, задержав воздух в легких, чтобы спина его не казалась такой сутулой и жалкой, какой она отражалась в зеркалах, когда он проходил по третьему этажу института, но он недолго чувствовал себя победителем, потому что кухня была длинной, и ему хотелось выдохнуть, пока он шел к двери, и он выдохнул, и весь обмяк, и подумал про себя: «Старый идиот, а еще фанаберится».

— Доярки живут возле ручья,— сказала девушка, — если хотите, я вас провожу...

— Вы мне лучше объясните, — сказал он, остановившись возле двери, и несмело обернулся, — я найду.

— Вы здесь отдыхаете?

— Рыбачу...

— Ну, значит — отдыхаете? — настойчиво повторила девушка, и снова прежние суховатые нотки прозвучали в ее вопросе. — Как-то вы нечетко отвечаете.

— На отдыхе можно отвечать нечетко... А вот рыба у вас разварится — это вот точно. Достаньте ее и положите на тарелку.

Девушка заглянула в котелок и ответила:

— Уже разварилась. А сейчас мои вернутся... Надо мне было с вами схлестываться!

— Это вы так схлестываетесь?

— Конечно. Я же вас обижала.

— Схлестываться — не значит обижать. Схлестываться — это наша новая формула поиска истины.

Девушка улыбнулась, и лицо ее стало иным, и Серебровский не смог даже определить, в чем оно изменилось, потому что, вероятно, оно изменилось все и во всем.

— Меня зовут Катя,— сказала девушка,— нас вывезли сюда на натуру, мы из суриковского... Коров рисовать, знакомиться с жизнью народа... А вас как зовут?

— По-разному. Александром Яковлевичем, дядей Шурой, Саней и дедом.

— Я вас буду называть дедом, можно?

— Конечно, можно. Это в принципе соответствует допустимости моих возрастных потенциалов.

Катя засмеялась:

— Ничего не понятно...

— Все понятно. Надо только подумать, настроившись на меня, на мой строй мысли. Мы все настроены на самих себя, и пока слушаем собеседника, обдумываем ответ, совсем даже не стараясь понять другую правду. Я ответил вам точно и ясно: «Допустимость моих возрастных потенциалов». Мне пятьдесят. Женись я в возрасте двадцати пяти лет, у меня могли быть дочь или сын. Сейчас женятся рано и рано рожают, и это правильно. Следовательно, у моей дочери или у моего сына сейчас мог быть ребенок, и, таким образом, я был бы дедом. Ясно, Савушка?

— Ясно, бабушка, — вздохнула Катя, — «дедушка» не рифмуется с Савушкой.

— Сейчас все рифмуется, — ответил Серебровский, — и хотя мне это не нравится, но я за это, потому что сие — от поиска.

— Боже мой! Вы реформатор! Бедненький! Как вам, наверное, трудно жить с такими-то настроениями... Или вы их высказываете только во время рыбалки? На работе помалкиваете в тряпочку?

— Все-то вы знаете, — улыбнулся Серебровский.

— Да ну вас, — сказала Катя, — сейчас, я брюки натяну, а то доярки ругаются, если мы в купальниках ходим...

Она убежала в комнату. Уха бурлила. Серебровский достал половником разварившиеся куски рыбы, сложил их на большой тарелке, прикрыл газетой, добавил в уху лаврового листа, раскрошив его в ладони, снял котелок, укрыл его полотенцем и услыхал за спиной голос Кати:

— На месте вашей жены я бы вас ненавидела...

— Почему?

— Суетесь в бабьи дела.

— Да? Странно... Моим знакомым женщинам это всегда очень нравилось...

— Они с вами интриговали.

Они вышли из домика, и Серебровский спросил:

— Почему вы думаете, что они со мной интриговали?

— Потому что я сама женщина. Нам нравится, когда мужчина властный, сильный... А вы кастрюлю тряпочкой накрываете...

Они шли через луг. Луг был синий. Он был синим, оттого что в нем росли красные маки — иначе он был бы обыкновенным, зеленым.

— Кто-то писал, что настоящий художник рождается только в том случае, если он постоянно думает о смерти, — сказала Катя. — Я в поле всегда о смерти думаю, а в лесу мне страшно, и жить хочется, и чтоб поскорей домой, и чтобы в доме были стены из кедрача...

— Бывали в Сибири?

— Почему?

— Кедрач... Это сибирское...

— Не была я в Сибири... Нигде-то я не была, ничего-то я не знаю... А время бежит — ужас...

— Это понятно. Я помню, как год тянулся, когда мне пять лет было, — сказал Серебровский, — целую вечность тянулся. А после тридцати защелкало, будто в такси... Когда человеку пять лет, он проживает год, как одну пятую часть его бытия, а уж когда пятьдесят — тогда — одну пятидесятую... Естественное наращивание скоростей... Ничего с этим не поделаешь...

— Господи, — сказала Катя, — какой вы умный, а?

— Это верно, — согласился Серебровский, — но меня это далеко не всегда радует.

— Ничего себе скромность...

— Правда, — серьезно сказал Серебровский, — мы отчего-то стыдливы до необыкновения... Самореклама, самореклама... Какая глупость... Если дурак будет рекламировать себя как Спинозу — все равно ведь не поверят.

— Можно уговорить...

— Ненадолго... Надо всегда называть собаку собакой. А мы смущаемся.

Катя вдруг рассмеялась. Она очень хорошо смеялась — раскованно, просто, для себя. Серебровский хотел было спросить, отчего она сейчас смеется, и он посмотрел на нее, но вдруг странная робость родилась в нем, и он нахмурился, поняв, отчего она в нем родилась, эта цепеняшая робость.

— Дядя Шура! — услыхал он голос и сразу вспомнил Настьюшку, дочку бакенщика Григория Васильевича, и увидел ее веснушки, словно бы размытые, а потому до боли нежные, а она их смущалась и всегда прикрывала лицо ладонью, и только когда он объяснял ей, как это красиво, убирала руку и недоверчиво, с таинственной улыбкой слушала его. Было это позапрошлым летом, когда он жил не в лесу, а в домике Григория Васильевича, и Настьюшка была ломким четырнадцатилетним подростком, длинноногим, быстрым, как олененок, и таким же недоверчиво-нежным.

— Дядя Шура! — кричала она и бежала через луг, и это ее движение по точной кривой, наискосок через синий, нет, не синий, а красно-зеленый луг, было прекрасным и каким-то даже нереальным в одинокой, прошлого века, красоте своей. — Дядя Шура! Мне Ромка сказал, что вы теперь в лесу...

Она не договорила, только сейчас заметив Катю, и краска залила ее лицо, и веснушки сделались бронзовыми, яркими, и от этого глаза ее стали прозрачны и голубы.

— Здравствуйте, дядя Шура, — сказала она, — чего ж к нам не зайдете?

— Здравствуй, Настьюшка, — улыбнулся Серебровский и хотел было, обняв ее за шею, поцеловать в лоб, но она чуть отодвинулась от его руки, и он только тогда понял, что перед ним уже не подросток-олененок, а красивая девушка — высокая, рыжеволосая, с глазами, которые сейчас погасли, сделавшись спокойно-синими.

— А это кто? — спросила Настя, не поворачиваясь к Кате.

— Катя, — ответил Серебровский.

— Мы здесь рисуем, — пояснила Катя.

— Студенты, что ль?

— Студенты... Вы бы не согласились мне попозировать? — спросила Катя.

— Фотографировать, что ль, хотите?

— Рисовать...

— А чего рисовать? Фотоаппараты на это продаются... Дядя Шура, ну, я пойду... Коровы мои разбредутся... Может, навестите? Папаня рад будет, он вас вспоминает...

— Обязательно приду, Настьюшка. Я сначала в лесу отсыпался... Теперь отошел. И — приду.

— Вы же хотели купить молока, — сказала Катя. — Настя, тут где можно молоко купить?

— Кому?

— Деду...

— Какому деду?

— Мне, — пояснил Серебровский и снова полез за сигаретами.

— Она что — внучка вам? — со странной надеждой спросила Настя.

Катя рассмеялась и ответила:

— Внучка... У меня дед молодой, хорохорится...

Лицо Насти враз ожесточилось, и она ответила, повернувшись к Серебровскому:

— Я вам сама принесу молока, Александр Яковлевич, мне Ромка объяснил, где вы живете.

— Спасибо.

— Дайте мне закурить, — сказала Катя, глядя вслед девушке, которая почти совсем скрылась в траве, только рыжая голова ее прорезала синь луга.

— Не дам, — ответил Серебровский. — Это дурной тон, когда девушки курят.

— Жалко импортных...

— До свидания, — сказал Серебровский и пошел к лесу не оборачиваясь.

«Старый идиот, — думал он, глубоко затягиваясь. — Правды, правды, ничего, кроме правды. Примочка лжи, как свинцовая вода от синяков. Мы все ждем этой примочки. Наверное, и семидесятилетние думают наедине с собой, что еще не все кончено, и что возможно чудо, и что можно еще все вернуть, если только бегать по утрам сорок минут и принимать ледяную ванну. Конечно, не все кончено, если любить дело, свое дело. А я люблю мое дело, и я не могу без него жить, и ничего не кончено. Зачем мне понадобилось идти за этим чертовым молоком?!»

Он шел размашисто, часто хмурился, много курил, и, когда пришел к себе, спина его взмокла от пота, и он сбросил рубашку, снял брюки и начал стягивать трусы, чтобы окунуться в море, но замер, потому что услыхал за спиной голос Кати:

— Мне обнаженная натура не нужна... Для этого есть Аполлоны...

Он обернулся, нахмурившись еще больше. Катя жевала травинку. Она держала ее в пальцах, как сигарету.

— Это я курю, — пояснила она. — Даже затягиваюсь. Видите? А с девочкой вы плохо говорили, дядя Шура... Девочка в вас влюблена... А никто так не влюбляется в четырнадцать лет, как девочки. Особенно в умного, седого дядю, который называет себя дедом. Кокетки вы все — ваше поколение, — пояснила она, — кокетки.. Не дожили своего, бедненькие, недолюбили... Одевайтесь, а то в баню...

Она легла в мох, утонув в нем, зажмурила глаза и тихо, словно засыпая, прочитала:

В траве, меж диких бальзаминов,
Ромашек и лесных купав,
Лежим мы, руки запрокинув
И к небу головы задрав...

Натягивая штанину, танцуя на одной ноге, Серебровский хмуро продолжил:

Трава на просеке сосновой
Непроходима и густа.
Мы переглянемся и снова
Меняем позы и места.

Танцуя на одной ноге, он споткнулся об корень, выругался, упал в золу костра, а когда поднялся и Катя посмотрела на него, она рассмеялась и сквозь смех, вытирая слезы, повторяла:

— Вы на домового... на черта... похожи... домового...

2

Григорий Васильевич принес с чердака вяленых судаков, а жена его Елена Павловна достала из погреба малосольных огурчиков — маленьких, шершавых, один к одному.

— Колбасы порежь, — сказал Григорий Васильевич жене, откупоривая бутылку шампанского.

— Зачем колбаса? — спросила Катя. — Рыба такая вкусная.

— Так колбаса ведь из магазина, — удивленно ответил Григорий Васильевич. — Как же без колбаски? Без нее стол торжество теряет...

— Они ж городские, — сказала Настенька. — У них колбаса всегда была.

Девушка сидела поодаль, возле окна, и закатные лучи солнца, обтекая ее, делали контуры траурными, бело-черными, и лица ее не было видно, только изредка, когда она чуть наклонялась вперед, маслено, как вечерняя морская вода, высвечивались глаза.

— Угощай гостей, — сказала Елена Павловна, — заговоришь людей-то, министр... Ему б все поговорить, — улыбнулась она Серебровскому, — к старчеству язык распустил, нет теперь на него страху... Настька, садись...

Настьюшка отрицательно покачала головой.

— Чего там, как мумия, выставилась? — спросил Григорий Васильевич, разливая шампанское по стаканам. — Со свиданьицем, Яковлевич.

— Будь здоров, Григорий Васильевич.

Катя опустила в стакан ложку и стала размешивать шампанское, и оно сделалось пенным, шипучим.

— Это зачем? — не допив, изумленно спросил Григорий Васильевич. — В том игра, чтоб шипело, а вы газ с него выпускаете...

— В городе все так, — сказала Настенька, — чтоб выделиться...

— Нет, — сказала Катя, — что вы, Настенька... Так просто вкуснее. Хотите попробовать?

— Еще чего! — сказал Григорий Васильевич. — Я ей попробую поперек спины вожжами.

— Она же взрослая девушка, — сказала Катя.

— Она мне до старости дитем будет, — ответил Григорий Васильевич. — Закусывай, Яковлевич, колбаску бери, сырокопченая...

Серебровский чувствовал, как неприязненно относились к Кате его друзья, и он понимал, отчего они так относились к ней, и ощущал изза этого томительное неудобство.

— Катя — художник, — сказал он. — Рисует картины.

— Я студентка, — поправила его Катя, — студентка четвертого курса...

— Ей до художника еще семь верст до неба, и все лесом, — как-то обрадованно заключил Григорий Васильевич, — в учебе она еще, какая же она художница?

— У вас кто на гитаре играет? — спросила Катя.

— Сын играл, — ответила Елена Павловна, которая, казалось, сейчас захотела помочь Кате. — Лешка, средний мой...

Григорий Васильевич впервые взглянул на Катю и спросил:

— Что, на гитаре умеете?

— Немного.

— Насть, — сказал Григорий Васильевич, словно бы обидевшись за дочь, — возьми колбаски.

Девушка подошла к столу, взяла кусочек колбасы и вновь вернулась на свое место — к окну. Закат отгорел, и теперь, наоборот, лицо ее было видно очень хорошо, и мягкий свет наступивших синих сумерек скрадывал ее большие веснушки, и черты прелестного лица были чуть размыты и оттого по-особенному щемяще-нежны.

Окончание следует.

Т. Койчиев (Фрунзе). МАТЬ.

Всесоюзная художественная выставка «СССР — наша Родина».

С. Мурадян (Ереван). ПОД МИРНЫМ НЕБОМ.

Всесоюзная художественная выставка «СССР — наша Родина»

ТЕАТР

В СПОРЕ С ТРАДИЦИЕЙ

Юр. ЗУБКОВ

Сцена отравления Нины на балу — в спектакле Харьковского русского драматического театра «Маскарад» Лермонтова — стала ключевой к решению образа Арбенина, главного героя. Мысль об обманутом доверии, высказанная Пушкиным относительно шекспировского Отелло, пронизала эту сцену: постановщик спектакля В. Ненашев и актер Н. Рачинский не осуждают Арбенина, они скорее сопереживают ему, стремятся заставить зрителей содрогнуться от мысли, что вот и еще две жизни — жизни людей ярких, значительных, богатых прекрасными чувствами и порывами,— загублены... Загублены рабской действительностью, всем общественным укладом, основанным на несправедливости, ненависти и лжи.

Не гордость, не мстительность, не озлобленность движет поступками, определяет тайный смысл слов Арбенина — Н. Рачинского в этой сцене, а только отчаяние — глухое и безудержное отчаяние человека, жадно и страстно искавшего правду и чистоту, искавшего ту, к которой он мог бы прилепиться сердцем, нашедшего и — как ему кажется теперь — подло обманутого, утратившего надежду на душевный покой...

Да, он убежден, что обманулся, этот Арбенин! Он думал, что нашел хоть одну непорочную душу, «и то напрасно»!.. Океан страстей бушует в его груди. Но не с гневом, а с болью и горечью произносит герой Рачинского эти слова... Что ж, на кого тут гневаться, в пору посмеяться над самим собой!

Издавна сложилась сценическая традиция, согласно которой Арбенин изображается человеком на много лет старше Нины. Традиция эта на первый взгляд имеет опору в тексте драмы. Арбенин говорит о своем «горьком опыте многих дней», говорит, что он «все видел, все перечувствовал, все понял, все узнал», а Нина «молода летами и душою».

«Я сердцем слишком стар, — обращается он к ней,— ты слишком молода...» Но что это значит — «опыт многих дней»? Лермонтов написал «Маскарад» двадцати лет от роду, вобрав в себя весь жизненный опыт Арбенина — все его надежды, ошибки и разочарования. И говорит-то Арбенин вовсе не о том, что стар годами, а лишь о том, что «сердцем слишком стар». И не зрелые годы, прожитые бурно, вспоминает он, а дни, отравленные «волнением порочной юности», дни, о которых он и сегодня мыслит на груди Нины... Вот почему я думаю, что у постановщика спектакля были все основания, вступив в решительный спор с традицией, с привычными представлениями об Арбенине, назначить на эту роль молодого актера, тем более что это назначение в очень и очень значительной степени себя оправдало.

В самом деле: не тривиально ли — старый муж ревнует юную жену, обреченную ради верности отказаться от жизни, следит за каждым ее шагом, подкупает слуг, терзается сам и терзает ее подозрениями и недоверием?.. Да и почему тогда Нина так привержена ему сердцем, что готова ради него оставить «балы, пышность, моду», уехать в деревню... Ведь она лишь ждет его слова — слова друга!

Сценическое прочтение лермонтовской драмы, предложенное В. Ненашевым, не только свежо и оригинально. Оно, на мой взгляд, восстанавливает в ней подлинные человеческие взаимоотношения, возвращает трагедии Арбенина ее истинный гуманистический смысл.

В спектакле харьковчан много интересных актерских работ. Это и молодой ветреник князь Звездич (А. Кубанцев), и умеющая глубоко, сильно чувствовать баронесса Штраль (И. Смирнова-Шевченко), и одержимые низменными страстями Казарин (А. Гай) и Шприх (М. Тягниенко)... Запоминается в крошечной роли служанки Нины и молодая актриса Л. Давыдяк. Запоминается дружелюбием по отношению к своей хозяйке, вниманием к ней, душевностью...

И все же решающая роль в успехе спектакля принадлежит исполнителям центральных ролей — Нины и особенно Арбенина. Достоинство этих героев спектакля не только в их молодости, но и в их личности.

В свое время, оценивая образ Арбенина, созданный Ю. М. Юрьевым на ленинградской сцене, А. В. Луначарский писал о соединении здесь «внутренних чувств, подлинной человечности и необыкновенной сценической эффектности». Мне довелось видеть Юрьева в роли Арбенина. Что касается «необыкновенной сценической эффектности», то Н. Рачинский играет совсем в другом ключе. Его выразительность — это выразительность простоты. В основном он чужд эффектов, способных поразить, ошеломить зрителя, чужд даже стремления к эффектам. Стих у него свободно льется из души: человек возвышенного образа мыслей, он не может их и выражать иначе, как стихом... А вот что касается «внутренних чувств» и «человечности», то многое актером на этом пути достигнуто!

Захваченный в круговорот пошлой светской суеты, окунувшийся в мир низких страстей и пороков, Арбенин — Рачинский — именно в своей человеческой незаурядности — сумел подняться над всем этим, взяв себе за идеал чистоту и веру в добро. Порождение рабской лживой действительности, Арбенин — Рачинский рвется из нее, но и неизбежно остается в ее плену, так и не осуществив свои человеческие возможности.

Известно, что первоначально Лермонтов написал «Маскарад» в трех актах. Четвертый был позднее написан им по требованию царской цензуры, которая при жизни поэта так и не разрешила пьесу к печати и представлению на сцене. Но, может быть, четвертый акт и не нужен и все действие может закончиться смертью Нины?.. Впервые на спектакле харьковчан я ощутил всю остроту этого акта! Да, тут нет ни Казарина, ни Звездича, ни родственников Нины, ни тем более Неизвестного. Нет, разумеется, и проходов погибшей Нины. Все это существует лишь в больном, воспаленном мозгу Арбенина. Недаром же говорит Доктор: «Он болен не шутя — и я не сомневаюсь, что в этой голове мучений было тьма...» И прав режиссер, заставивший мысли Арбенина резко, неистово звучать по радио...

Радио — и Лермонтов? Нет, человек и его внутренние монологи, которые высказать вслух он не в состоянии.

В роли Арбенина Н. Рачинский.

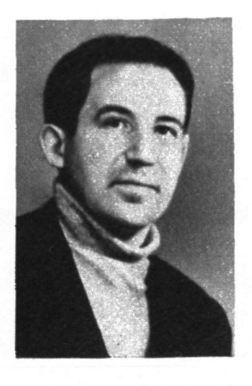
Фото Б. Файтлина.

Жаль только, что Неизвестный — роль эту играет очень талантливый, острохарактерный актер Е. Лысенко — приобрел в спектакле слишком устрашающие черты. Нет, это самый обычный, самый заурядный человек, являющийся Арбенину в трудных, мучительных его раздумьях...

Молодая актриса С. Ковтун три года назад, будучи еще студенткой, успешно дебютировала на сцене в роли Ирины из «Трех сестер». Подобно Ирине Нина — С. Ковтун — также незаурядна. Это — огромное женское сердце, способное к самопожертвованию. Это стойкий характер, который не предаст и не обманет. Это — само олицетворение женской любви, высокой и гордой, утверждающей себя как высшее проявление нравственности.

Возможности лермонтовской драмы безграничны! И кто знает, на каком по счету представлении откроют для себя участники спектакля новые грани лермонтовских образов? Есть в спектакле и недостатки, преодоление которых не составит для театра особого труда. Но в целом работа режиссера и актеров — результат активного и плодотворного творческого поиска.

Владимир ГОРДЕЙЧЕВ

В ЗВОНЕ ЖАВОР

1

В деревеньке одной, за Воронежем,
где я первые рифмы лепил,
днем весенним, таким жаворонистым,
я на счастье пожалован был.
Колоколило небо высокое,
над амбарами света полно,
и весенними полнилось соками
даже врытое в землю бревно.
На угоре, где к солнышку вылезли
молодые звереныши трав,
бык, шалея, кружился на привязи,
всю кору со столба ободрав.
Соковитые зыбились озими,
и, под стать океанской волне,
глянцевитая, темная прозелень,
прогибаясь, катилась ко мне.
По такой ли поре, на завалинке,
сдвинув на ухо старый треух,
млел обутый в подшитые валенки
школьный сторож и бычий пастух.
В дали некие глядя сощуренно,
отрешенный от мира сего,
был похожим старик на Мичурина
(шутники так и звали его).
Я дознался, какою историей
потешал он иных отрывал.
Год назад по весне в санатории
в первый раз Алексев побывал.
Стекол блеск, подоконников мраморность,
люстра в золоте — столь хороша,—
все, как есть, Алексеву понравилось,
но о доме болела душа.
О домашних тревожила дума:
чтоб от холода сад уберечь,
если сиверко ночью подует,
догадаются ль пламя разжечь?..
Дня четыре старик в санатории
пропускал процедуры подряд.
Караульщиком на территории
санаторный доглядывал сад.
А когда о морозе по радио
Алексеву помнился прогноз,
сам собою зашел за ограду он
да и двинул обратно в колхоз.
В дом явился с напрасными страхами.
— Вот,— слыхал я о нем,— пустошлеп,
и путевку угробил, и хаханек,
почитай, по завязку огреб...
С той поры Алексев залукавился:
если хаханьки где и слыхал,
улыбался вприщур, словно каялся,
хоть шумней, чем всегда, не вздыхал...
Случай, правда, смешной. Тем не менее
случай высветил правду и ту,
что прекрасно людское умение
все забыть ради сада в цвету.
Видно, есть в белокипенном облаке
власть, которой нам не превозмочь.
В этом родственны люди и яблоки,
что от яблонь не катятся прочь...

2

Мы сдружились с Архипом-философом,
как деревья неравных пород.
Раззеленым дубком стоеросовым
возле деда я выстоял год.
Он, со статью отнюдь не зеленою,
зрелой яблоней в стужу и зной,
не стараясь возвыситься, кроною
все равно нависал надо мной.
Был я выдвинут в школьные завучи
и началам словесных начал,
только книжное слово и знаючи,
сам мальчишка, других научал.
Оттого, может, зелено — молодо,
что параграфы гнал бесперечь,
с острым чувством едва ли не голода
я въедался в народную речь.
Сам схватить характерное пробуя
на моем безъязыком веку,
стал питать я почтенье особое
к золотому тому старику.
По взаимному праву доверия
на мою ли тогдашнюю прыть
стал я мерки Архипа примеривать
и резоны его говорить.
Дав немало для местного эпоса,
дед, конечно, не минул того,
что и мной в стихотворные опусы
облекалась персона его.
Зарисовки, лишенные вымысла,
в общем счете, с натурой в ладу,
по бумагам заброшенным выискав,
я деталями здесь приведу.

МУЗЕЙНАЯ ИСТОРИЯ

Весною, когда отбурлила вода
по голым садам и оврагам,
Архип, разбирая свои невода,
наткнулся в реке на корягу.
Сосна ли, осина, крива, не крива,
старик разбирался недолго:
находку на плечи — сойдет на дрова,
и двинулся в гору, к поселку.
До самого дома без роздыха прет,
а тут еще рыба да сети.
Его поздравляют у каждых ворот,
дивятся улову соседи.
Архип, как Поддубный, заходит во двор,
заносит корягу за угол,
и слышно — за домом ударил топор,
и вдруг — несусветная ругань.
Вот хохоту было в поселке! А дед
ходил и плевался от злости:
и выпал же случай на старости лет,
коряга-то, вышло, из кости!
А тут и с женою сразиться пришлось:
как утро, так буча за бучей,
пока не отнес он проклятую кость
под самую дальнюю кручу...
Теперь уже мало кто помнит о том,
и я поразился, не веря,
увидев на полке в музее одном
ребро допотопного зверя.
Отмытые грани торчали остро,
не то никогда никому бы
вовек не дознаться, что это — ребро,
вот этот замшелый обрубок.
Похоже, под кручей у нас побывал
заезжий отряд краеведов,
тогда и попало — с зарубкою — в зал
ребро, обманувшее деда.
А там уж, наверно, сойдясь на совет,
все зубры музейного мира
согласно решили, что трещина — след
удара пещерной секиры.
Свой блеска исполненный вывод они
вписали во все картотеки.
Но это случилось в недавние дни,
а вовсе не в каменном веке.

РАЗГОВОР

— Вот ты учитель. Я пастух.
А ты мне, милый, поясни-ка,
к чему, когда закат потух,
болит и ноет поясника?
В романах читывал? Вот-вот:
к дождю. Народная примета.
А я, брат, знаю наперед,
в каком часу начнется это.
Теперь, положим, и пчела,
при ней и книг тебе не надо:
раз суетиться начала,
то, значит, жди дождя иль града.
Еще о меде говорят,
что детям надобен — для роста.
Но понимать, что мед, что яд,
по нашей жизни, ой, непросто.
Встречал и в сласти горечь я —
одно другому не перечит.
Нужна бывает и змея,
когда не губит яд, а лечит.
Тебя, милок, поскольку млад,
пусть это слово приголубит:
горьки попреки, да целят,
а лесть и сладостна, да губит...
Похоже, будет добрый день,
гляди — стрижи тому порукой... —
Пошел. Шапчонка набекрень.
И кнут волочится гадюкой.

СЫНОВЬЯ

Из конверта выпал белый лист:
пишет деду сын-артиллерист.
В их полку — такое дело, дед, —
сняли операторы сюжет.
«В новом кинофильме,— пишет он,—
ты увидишь наш дивизион...»
Застучал на улице движок,
клуб огни вечерние зажег.
Дед глядит с усмешкою в окно:
— Собирайся, старая, в кино!
Под ногами блещут светляки.
Как на праздник, об руку рука,
вдоль села шагают старики,
посмотреть во благе на сынка.
На экран глядят во все глаза,
где сынок — не могут указать,
все солдаты — парни, как один,
не поймешь, кто сын и кто не сын.
Так и не узнали.
Но старик
на своем уверенно стоит.
— Видел, — говорит без лишних слов, —
целую дивизию сынов!

ВЕСЕННИЕ ЗАМОРОЗКИ

Громом почки на дубе расколоты.
И, с приметою древней в ладу,
все в полях замирает от холода,
даже лед заблестел на пруду.
Время сеять, да сиверко дунул.
Прав и в этом Архип-архаист,
что погоду увязывал с дубом:
к холодам, если режется лист.
Агроном к старику с уваженьем
за прогнозом пожаловал в дом.
Как иные — в тайгу за женьшенем,
так за мудростью к людям идем.
— Все, что вызнал в крестьянской семье,
дед, вещай — карандаш наготове!..
Корень жизни — не только в земле,
корень жизни — и в сказанном слове.

МАСТЕР

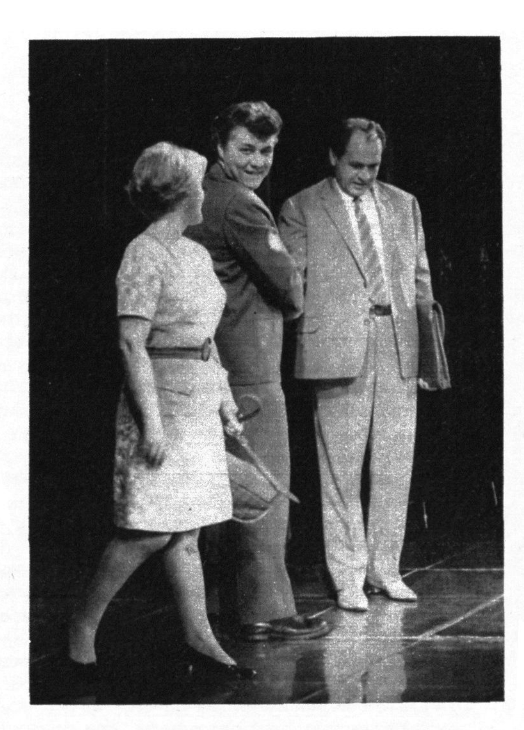
В январе, как ни сетуй,
стройки в селах немы.
Старый плотник, сосед мой,
не выносит зимы.
А бывают минуты,
он готов день-деньской
улыбаться чему-то
у себя в мастерской.
Близ ларей косолапых,
где хранят топоры
устоявшийся запах
горьковатой коры,

ОНКА

дед теперь уже видит
дни весенней страды:
он не раз еще выйдет
на леса к молодым.
Нет, наверно, навеки
тяга к трудным делам
держит верх в человеке,
в кровь вошла мастерам.
Ночь над крышей глухая.
Старику не до сна.
Долго курит, вздыхая:
— Поскорей бы весна!..

* * *

...Задушевно соседствуя с дедом,
накопив впечатлений внавал,
одного я секрета не ведал,
одного пустяка не знавал:
с чем он, собственно, с думой какою
пристывает к скамье над ручьем
и, забыв о ведре под рукою,
все упорней гадает о чем?
Часто в думу ушедшего глухо
застигала молчальника тьма.
Горевала давно и старуха:
— Выживает старик из ума!
Я нахалом к отгадке не рвался,
подавлял любопытство, как мог.
Потому по душам и дождался
разговора в пасхальный денек.
Без заминки, но как бы смущенный,
начал дед на простецкий манер:
— Ты не знаешь, какой-то ученый
был у нас на Руси инженер?
Говорили, что воду для жизни
изобрел, доживаючи век:
мертвеца той водою обрызнул,
оплеснул — и воскрес человек.
Человек, может, пять или десять
оживил. Но, однако же, мол,
царь велел его взять и повесить,
потому — против бога пошел.
Вот теперь, если книги читаешь,
и держи-ка ответ по уму:
ты об этом ученом не знаешь,
как фамилия будет ему?..
Дед мой, дед! Я тебе не ответил.
Лишь себе я сказал без затей,
что в твоем исполинском сюжете
ты побольше, чем я, грамотей.
В сотнях тысяч таких же историй
отвергал человеческий род
горевую судьбу, по которой
предначертан из жизни уход.
Вольным помыслом смея оспорить
непреложный исхода закон,
дед мой, дед, ты и сам богоборец
в справедливом бунтарстве таком.
Самой скорбной из наших традиций
да вовек не развеется в дым
вера в право твое — возродиться,
чтобы жить продолжать молодым!..
Этой мыслью я паузу полнил,
между тем как Архипу в ответ
ни единого слова не молвил.
Но и так понимал меня дед.
На земле еще взрывом петардным
никакой не провидел мудрец
рубежа с Кристианом Барнардом
и его обновленьем сердец...
Холодок от колодца подунул.
Принимал я на плечи свои
вашу — в старости — общую думу,
Алексевы, Архипы мои!
Ветер шел — изумрудного цвета,
и, привольно раскинув поля,
заливалась пронзительным светом
до рыданья родная земля...

Спектакль «Мария» А. Салынского на сцене Театра имени Маяковского. В заглавной роли С. Мизери.

Фото М. Чернова

МОЛОДОСТЬ

Нина **ВЕЛЕХОВА**

Способность к возрождению и обновлению — одно из удивительных качеств Театра имени Маяковского... В его жизни были подъемы и спады, были трудные годы, но старения он не знал. Свой пятидесятилетний юбилей встречает театр молодой, насыщенный идеями времени, ярко представляющий современное театральное советское искусство.

Это секрет молодости. И притом молодости такого театра, который уж никак не обвинишь в метаниях от одних принципов творчества к другим, в измене своим традициям... И сейчас время вспомнить то, что будто и отошло в прошлое, но живет и сегодня, как в период юности, в период Театра Революции, — такое название носил коллектив при своем рождении...

Предшественником Театра Революции был передвижной Театр революционной сатиры, где шли забытые уже ныне спектакли: «Спартак» Волькенштейна, который, по свидетельству Г. Крэга, великолепно оформлял советский художник В. Шестаков; шло «Доходное место» Островского в постановке Вс. Мейерхольда — он был первым художественным руководителем Театра Революции; шли «Разрушители машин», «Ночь»... Потом появились и постановки, рассказывающие о современной действительности; пьесы были чаще всего скороспелые, но актуальные — о новой деревне, о раскрепощении женщины, о новом быте... Театр возникал, черпая творческие силы и взгляды в самой жизни, жадно подхватывая ее идеи, ее интересы, ее боли и радости... Театр не просто наблюдал коллизии жизни, но впитывал в себя ритмы ее душевных движений, живые интонации народного голоса, глубинные человеческие настроения...

Страна переходила великий исторический рубеж, и актеры Театра Революции освещали этот процесс во всей социальной и психологической его сложности... Когда позднее, в период нэпа, обострилась позиция поднявшего голову мещанства, именно здесь были поставлены «Воздушный пирог» и «Конец Криворыльска» Б. Ромашова, «Озеро Люль» А. Файко... Острые, весело-злые решения режиссуры А. Грипича, который пришел на смену Мейерхольду, работы многих превосходных актеров, и прежде всего М. Бабановой, Н. Охлопкова, Д. Орлова, М. Штрауха,— все выводило спектакли Театра Революции в центр общественной жизни страны...

Чрезвычайно характерно, что театр никогда не был равнодушен к свершающимся в жизни переменам, и прежде всего к тем главным, решающим, которые несла с собою индустриализация страны... Славная эпоха первых пятилеток вызвала к жизни в Театре Революции своеобразную трудовую сюиту погодинских пьес: ими начал здесь свою деятельность А. Попов, поставив «После бала», «Поэму о топоре», «Мой друг»... Настоящий идеолог советской сцены, ее неутомимый строитель, А. Попов был фанатически одержим мечтой о театре великой социальной мысли — с этим он и пришел в коллектив; его обращение и к классике, скажем, к «Ромео и Джульетте», было вдохновлено идеей возвышающей.

Театр — можно смело сказать — был счастлив на режиссеров; в те годы это были озаренные светлой мыслью режиссеры-философы, режиссеры-поэты: А. Дикий, А. Лобанов, Ю. Завадский, Н. Петров, Ф. Каверин, С. Майоров... Работа с этими мастерами, даже краткая работа, всегда была хорошей: они не распыляли сил театра, не тащили его в разные стороны; это были люди зрелого и высокого мировоззрения. Но все-таки актерам хотелось постоянства в режиссуре! И эта мечта сбылась, наконец, когда руководителем театра стал Николай Павлович Охлопков. Он и принес театру имя Маяковского...

Художник оригинального таланта, с явным темпераментом новатора, Охлопков — неповторимая личность в искусстве. В главном, в нравственном подходе к задачам творчества, он был солидарен с А. Поповым. И как мысль у Попова очеловечена чувством, так и страсти Охлопкова осветлены сознательной деятельностью мысли...

Охлопков был натурой динамической; содержание нашего насыщенного времени он выражал в образах мощных, наэлектризованных высокой страстью, стремящихся к предельному выражению... Ему, художнику глубокой интуиции, по словам Ю. А. Завадского, становилось доступно в искусстве то, что скрыто от многих рациональных умов; как многие его сверстники, он был искренне, органично социален, чуток к запросам общественного сознания и народен в каждом творческом мгновении... Его «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Сыновья трех рек» В. Гусева, классика: «Гамлет», «Гроза», «Медея» — активно воздействовали на сознание людей, пришедших в театр, давая им пережить высокое волнение чувств...

В театре росли актеры, способные поднимать публику с места, как шутя говорил Охлопков. И разве тут перечислишь этих актеров! Но нельзя не назвать Евгению Козыреву, Евгения Самойлова, Александра и Евгения Лазаревых, Бориса Толмазова, Веру Орлову, Светлану Мизери... Эта новая смена, влившаяся в театр, не стеснила старших мастеров, а опять же составила с ними одно целое.

И когда театр возглавил Андрей Гончаров — нынешний талантливый его руководитель, он тоже не растерял прежних ценностей, дав театру и новое высокое творческое содержание и яркое художественное мировоззрение в спектаклях, всегда интересных, острых, значительных.

Увеличивающее стекло театра и сегодня направлено на психологию и этику личности крупной, героической, выступающей в защиту интересов народа и общества.

ПОВЕСТЬ

Джеймс ОЛДРИДЖ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

СПОРТИВНОЕ

Глава XIV

Нет, видимо, нужды вдаваться во все детали второго слушания дела. Было ясно с самого начала, что любое обвинение в адрес одной стороны, подтвержденное свидетелями, может быть с тем же успехом предъявлено другой стороне и тоже подтверждено свидетельскими показаниями. Мне подумалось, что в этом и заключается тактика, избранная моим отцом. Она была, видимо, направлена на то, чтобы никакое окончательное судебное решение не было принято.

Но почему?

Мистер Страпп решительно настроился доказать, что в полицейском загоне нет никакого другого пони, кроме Бо, принадлежащего мисс Джози Айр. Но каждый раз, когда он пытался привести особо важный для него аргумент — что пони Бо был украден Скотти с фермы Эллисона Айра, мой отец заявлял резкий протест: Скотти не находится под судом по обвинению в воровстве! Единственное, что оставалось для мистера Айра,— это доказать, что предмет спора, пони, принадлежит его дочери и что это единственный вопрос, который стоит перед судом.

Мистер Страпп вызвал свидетелем Блю и попросил его объяснить, как был отловлен этот пони в стаде.

— Протест! — быстро вмешался мой отец.— Нет еще никаких доказательств, что пони, о котором спрашивают свидетеля, есть пони, интересующий суд. Пускай же мой оппонент и его свидетель говорят просто «пони», а не «этот пони».

Неразговорчивый судья Лэйкер и здесь руководствовался правилом «молчание — золото» и только кивал головой. Поэтому все свои доказательства Страппу пришлось относить к «пони вообще»: как он был пойман, как его приручали, учили, приспосабливали к нуждам мисс Джози Айр, сколько это стоило труда и сколько показала в этом мужества и умения сама Джози. Страпп особо подчеркивал, что значил этот пони для девочки, которая не могла ходить.

Я сидел в зале позади моего отца, недалеко от Скотти; на нем был старый серый костюмчик, из которого он вырос. Рядом с ним сидел мистер Энгус Пири в саржевом пиджаке, больше похожем на кондукторскую куртку. От обоих пахло нафталином. На другой стороне расположились Эллисон Айр, Джози и миссис Айр в шляпке с очень изящной вуалеткой, затканной цветочками. Все мужчины в зале, не исключая меня, заглядывались на это столичное великолепие.

Джози сидела не в своем кресле на колесах — ее внес в зал Эллисон, и это было очень трогательное зрелище: отец несет калеку-дочь, а она обнимает его за шею. Но сама Джози не отдавала дани никакой сентиментальности, она обнимала отца по необходимости и, после того, как он усадил ее, сразу забыла о нем. Ей не нужна была суета и излишнее внимание. Она передвинула руками свои ноги, выпрямилась и взглядом как бы запрещала всем выражать ей сожаление. Когда Страпп распространился насчет ее положения, она нагнулась к отцу, и я услышал ее гневные слова:

— Зачем ему понадобилось болтать об этом?

— Он излагает свою позицию, Джози. Будь терпеливой.

Но Джози нетерпеливо тряхнула косами, и на мгновение ее жесткий взгляд остановился на Скотти. Он сидел, подложив ладони под коленки, настороженный, глядя прямо вперед. Но тут Джози перехватила мой взгляд — поняла, что и за ней наблюдают. Она покраснела, сердито отвернулась.

— Итак, мистер Блю...— заговорил мистер Страпп.

Все в зале рассмеялись, и это его сбило с толку.

— Меня зовут мистер Уотерс,— с подчеркнутым достоинством сказал Блю.

— О, конечно. Прошу прощения,— спохватился Страпп.

Новый взрыв смеха. Я почувствовал, как вся эта масса людей за моей спиной ожидает, что здесь разыграется занятное драматическое зрелище. Им это казалось скорее чем-то вроде рысистых бегов на ипподроме, которые обожали в нашем городе. Кто-то в этом суде должен выиграть, кто-то проиграть — либо Джози, либо Скотти.

Но, кроме интереса к самому конфликту, в зале чувствовалось и легкое недовольство. Я заметил в заднем ряду нашу учительницу мисс Хильдебранд, нашу «птичку», с ее раскрасневшимся лицом.

Показания Блю были рассказом бывалого и опытного человека о том, как был пойман и обучен Бо. Когда он кончил, мой отец спросил его, не видел ли он когда-либо Тэффа, который был куплен мистером Пири для Скотти тринадцать месяцев тому назад?

— Да, я видел его,— сказал Блю.— Я его и поймал и доставил.

— Какого он был роста,— спросил отец,— укажите точно — четырнадцати ладоней, тринадцати с половиной?..

— О, ладоней, пожалуй, четырнадцати и даже с половиной,— сказал Блю.

— Нет, нет, мистер Уотерс. Я спрашиваю о точном размере, о размере, который у вас записан.

— Я его, собственно, не мерил.

— А вы или кто-нибудь другой зарегистрировали какие-нибудь особые приметы у того пони, которого продали Пири?

— Нет, не думаю.

— Значит, у вас не было точных сведений о пони, проданном мистеру Пири, не правда ли?

— Точных сведений — нет.

— Значит, вы не можете сказать уверенно, по-научному, что пони, который находится сейчас в полицейском загоне, не есть пони мистера Пири?

— Нет, но я думаю все-таки...

— А вы когда-нибудь измеряли рост пони мисс Айр, который назван Бо? — перебил его отец.

— Этого не требовалось.

— Так что вы не можете утверждать — по способу, принятому в лабораториях, где выявляют породы,— что пони, находящийся сейчас в полиции, есть пони мисс Айр?

— Таким способом не берусь доказывать. Но есть другие способы.

— Какие же другие способы? — поинтересовался отец.— Если руководствоваться методом, применяемым в науке, то вам надо было предъявить записи об общих размерах лошади, о ее росте, цвете, особых приметах и т. д. Разве не так?

— Да, но какое это имеет отношение к этим двум пони, раз они совершенно одинаковы?

— Нет, вы должны были все это предъявить, если пришли в суд что-то подтверждать, мистер Уотерс. Иначе, как вы можете говорить, что пони, который в загоне, есть именно тот, а не другой?

— Все это слишком уж сложно, мне кажется,— тихо проговорил Блю.

— Возможно,— сказал отец.— Но, к сожалению, мистер Уотерс, одного вашего слова недостаточно, чтобы суд удостоверился, что этот пони — Бо. К тому же и я вызываю нескольких заслуживающих доверия свидетелей, которые скажут, что это Тэфф.

— Ну, они, конечно, чертовски ошибаются,— проворчал Блю.

Но отец уже покончил с его допросом. Теперь я окончательно уяснил себе его тактику: не только нейтрализовать все, что говорят Страпп и его свидетели, но и настойчиво показывать, что такие же точно доказательства он может привести в пользу Скотти. Меня поражало больше всего то, как настойчиво он это делает. Зачем выпячивать этот мотив равенства сейчас? Не лучше ли было просто подорвать позицию той стороны и всячески отстаивать правоту Скотти? Я видел, что Страпп явно обескуражен, а вместе с ним и Эллисон Айр. Даже судья надел на нос пенсне и торжественно, молча глядел на отца, словно стараясь разгадать его дальнейшие намерения.

Единственными реальными доказательствами, которыми располагал Страпп, были две мозольные отметины на задних ногах пони и его цвет. Страпп вызвал на сей счет двух свидетелей — Блю и скотовода Скиттера Биндла, которые имели дело с обоими пони, но они опять-таки не могли представить требуемых моим отцом научных доказательств, что пони, содержащийся в полиции,— это тот, а не другой пони.

Последней была вызвана Страппом сама

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—7.

Джози Айр, и, когда отец переносил ее на свидетельскую скамью, судья спросил, не желает ли она сесть в кресло на возвышении, рядом с судьями.

— Нет, я хочу сидеть здесь,— ответила она, указывая на скамью.

— Так вот, Джози,— начал Страпп,— позвольте мне спросить вас, вы уверены, что пони в полицейском загоне есть именно Бо, ваш пони?

— Да, мистер Страпп.

— Откуда вы это знаете? — продолжал Страпп.

Джози прикусила губу.

— Ну, я ведь знаю моего отца и мою мать. Я знаю, что моя мать — это моя мать. И знаю, что Бо есть Бо. Я не могу вам сказать, откуда я знаю.

Это был очень хороший ответ, он понравился присутствующим, даже мой отец уважительно кивнул головой, видимо, оценив его.

— Какой он, этот ваш пони?

— Он упрямый и умный, а иногда злой. Он не любит, когда кто-нибудь, кроме меня, трогает его руками, и не любит еще соро́к, которые ищут червей в его стойле. Он ненавидит их.

Судья Лэйкер теперь казался очарованным.

— Но чем пони, который находится в полицейском загоне, похож в своем поведении на вашего Бо?

— Ну, он вскидывает голову вот так (она показала рукой), когда подходят к нему близко. Он позволяет мне чистить его шею скребком, а многие пони моего отца терпеть этого не могут. Он тихонько подталкивает меня, когда я глажу его, а еще подставляет голову, когда я хочу его причесать и не достаю до него.

— Пони в полицейском загоне все это делает? — спросил судья, словно впервые услышав что-то важное.

— Да. И еще много всякого.

— И как вы подзываете к себе вашего пони? — спросил Страпп.

— Бо, конечно. Вы это знаете, мистер Страпп.

— Конечно, Джози. Но я хотел узнать: когда вы в полицейском загоне звали его «Бо», он подходил к вам?

— Да.

— Сразу подходил?

— Да.

— Он когда-нибудь кусал вас? Я имею в виду пони, что в этом загоне?

— Нет. Конечно, нет.

— А валлийские пони с фермы мистера Айра склонны брыкаться или кусаться?

— Они любят бить копытами друг друга, а людей — нет. Но кусаются очень часто.

— А вы видели, чтобы этот пони, что в полицейском загоне, кусал кого-нибудь?

— Да.

— Кого же?

— Его!

Джози показала пальцем на Скотти, и оба они несколько мгновений смотрели друг на друга; в зале суда словно стало пасмурнее. Я заметил, что Джози беспокойно задвигалась на скамье. Скотти, явно пришедший в замешательство от этого выпада и без того подавленный всеми непонятными подробностями судебной процедуры, покраснел до ушей, когда Джози показала на него пальцем. Он смотрел на нее расширенными глазами и, словно они были близнецами, сжал губы в точности так, как это сделала Джози.

— Протест! — мягко сказал отец, не вставая с места.

— Я знаю,— сказал Страпп,— я не буду акцентировать на этом. Еще два последних вопроса, Джози. Вы любите вашего пони?

— Конечно.

— Что бы вы делали, если бы потеряли его навсегда?

— Я бы умерла,— с неистовой страстностью сказала Джози, и, хотя судья улыбнулся, я увидел, как нахмурился мой отец. Он всегда возражал против того, чтобы детям задавали в суде вопросы, заведомо ведущие к эмоциональным ответам.

— Я вынужден протестовать,— сказал отец,— исходя из интересов ребенка.

Судья кивнул и что-то пометил карандашом у себя в блокноте.

Но я-то понимал, что Джози сказала правду, и большинство женщин в зале зааплодировали.

— Это все, Джози,— сказал Страпп.— Хотя мистер Квэйл, вероятно, тоже желает задать вам несколько вопросов, потому останьтесь пока здесь, если не возражаете.

— Я не возражаю,— сказала Джози с истинно королевским величием.

Мой отец встал и начал:

— Мисс Айр...

Он вежливо подождал ее ответа, и Джози это понравилось.

— Да, мистер Квэйл,— сказала она.

— Мисс Айр, вы сказали, что пони в полицейском загоне подходил к вам, когда вы звали его к себе, называя именем «Бо»?

— Да, я сказала это.

— И каждый раз подходил?

Джози заколебалась.

— Нет, не каждый раз.

— Значит, иногда вы звали его, а он не подходил?

— Да, но это потому, что он бывал зол.

— Еще один вопрос, и вы можете вернуться к вашим родителям.

— Мне все равно. Я не возражаю посидеть еще здесь.

Это был второй хороший ответ. Все снова засмеялись, и, кажется, судья тоже кивнул в знак одобрения.

Но моему отцу это не понравилось.

— Вы не можете возражать против того, чтобы сидеть на этой скамье, мисс Айр. Вы ведь умная девочка. А вот некоторых из сидящих в зале это почему-то забавляет. А уж против этого возражаю я. Так позвольте мне задать только один вопрос. Ваш пони кусал кого-нибудь еще, я имею в виду — дома?

— Нет, он не кусал. Он иногда только чуть покусывал.

— Значит, ваш пони не был кусачим в отличие от того, который находится в полицейском загоне?

Не сразу уловив смысл вопроса и чуть запнувшись, Джози сказала:

— Это потому, что он в доме всех любил, а этого — нет.— И снова ее палец указал на Скотти.

— Это мы увидим позже, Джози,— сказал отец как бы самому себе и сел за свой стол.

Джози была перенесена на прежнее место, и глубокая тишина в зале говорила о той симпатии, которую она завоевала. Теперь пришла очередь моему отцу изложить свою позицию. На самом деле у него ее не было. То есть, как я уже сказал, у него не было в запасе ничего более существенного, чем то, чем располагал Страпп.

Он начал с того, что валлийские пони, которых разводит мистер Айр, известны тем, что у них одинаковый цвет, один и тот же средний рост. Все они одинаково упрямы, часто трудно предсказать их поведение. Если взять, скажем, четырех двухлеток из табуна, то едва ли можно их отличить от друг друга. Поэтому без точных записей, без научных доказательств просто невозможно установить, какой пони есть Бо, а какой Тэфф.

— Я делаю эти предварительные замечания,— продолжал отец,— не будучи уверен, что доказательства, которые я представлю здесь, лучше и убедительнее, чем те, которые представила другая сторона.

Снова все были поражены. Что же он собирается доказывать? Почему он сам признал, что невозможно доказать, тот ли этот пони или другой?

— Откровенно говоря,— впервые прервал свое молчание судья, видимо, теряя интерес к словам отца,— я не понимаю, к чему вы, собственно, ведете, мистер Квэйл?

— Это станет ясным через несколько минут, ваша честь,— ответил отец.

Я увидел, что теперь Эллисон готовится особенно внимательно слушать моего отца: он, видимо, уже ждал от него какого-то хитрого маневра.

Отец попросил вызвать своего собственного эксперта, мистера Криста, чтобы тот показал, что пони, находящийся в полиции, может быть Тэффом.

Мистер Крист сказал, что очень хорошо знает пони Скотта Пири. Мальчик Скотт не раз приводил Тэффа к нему лечить от заусениц, наростов или трещин на копытах.

— И вы убеждены, как старый и опытный лошадник, что пони, которого я показывал вам в полицейском загоне, есть Тэфф, принадлежащий мальчику Пири?

— Да. Я убежден в этом.

Страпп принялся допрашивать Криста, стараясь выудить у него признание, что он, возможно, ошибается и что вообще он не может ничего утверждать с уверенностью. Но Крист хорошо понимал, что его показание помогает моему отцу, и не давал другой стороне сбить себя.

Было еще три свидетеля. Одна из них — мисс Мэдди, та, что одевалась и разговаривала на мужской манер и целый день, не переставая, курила. Она сказала, что знает все, что имеет отношение к лошадям, что ее отец был специалистом по приручению лошадей и что она твердо убеждена: интересующий суд пони есть Тэфф, лошадка Скотти Пири.

Страпп начал было допрашивать и ее, но как-то вяло, и дело снова пошло вкось и вкривь. Потом отец вызвал одного фермера, соседа семьи Пири, а четвертым самого Энгуса Пири.

Энгус стал рассказывать с какой-то бессильной желчностью о том, как он купил пони для Скотти, чтобы тот не ходил пешком за пять миль в школу; как доставал взаймы деньги, чтобы заплатить за пони; как сам Скотти, не имея ни малейшего опыта, приручил пони и сделал

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

так, что он и пони стали как родные братья. Даже Страпп был, казалось, пристыжен этой горестной повестью. До сих пор все на суде было как бы эхом того несчастья, которое постигло маленькую Джози, а теперь на первый план выдвинулось бедственное положение Скотти Пири, его тяжелая жизнь. Страпп терялся в догадках: он не мог постигнуть, какой новый ход придумал мой отец. Поэтому и вопросы, заданные им Энгусу Пири, оказались не только путаными, но и вообще бесцельными. Позже отец так отзывался об этом, разговаривая с нами:

— Если ты не можешь решить для себя, что́ сейчас в мыслях у другого человека,— все равно отстаивай ясно и непоколебимо свою собственную идею. Так должен был поступить и Страпп. Хотя вряд ли это имело бы большое значение,— добавил отец.

Наконец, к всеобщему удивлению, он вызвал Скотти. В течение тех нескольких минут, которые Страпп потратил на допрос Энгуса Пири, отец успел наскоро поговорить со Скотти, и тот уже знал, что от него требуется. Он встал и направился к свидетельской скамье, двигаясь осторожно, как солдат через минное поле. Его штаны были безнадежно коротки, пиджак болтался на нем, как на вешалке, в расширенных глазах читались страх, враждебность, растерянность и в то же время решимость.

— Ну, молодой мастер [1] Пири,— сказал мой отец, приступая к допросу,— ты знаешь того пони, что в загоне при полиции, и говоришь, что это твой пони Тэфф?

— Да,— ответил Скотти тихо, опустив голову.

— Говори громче, пожалуйста,— сказал судья.

— Ты просто забудь обо всем этом,— отец повел рукой в сторону суда,— и говори со мной так, как говорил бы со своими учителями и товарищами по школе. Подними-ка голову, сынок,— сказал он чуть громче.

— Да,— ответил, откашливаясь, Скотти и поднял голову.

— Этот пони подходил к тебе, когда ты его звал: «Тэфф»?

— Да.

— Каждый раз? Только говори правду — это все, о чем я тебя прошу. Каждый раз?

— Нет. Не каждый раз.

— Кусал тебя этот пони когда-нибудь, как говорит мисс Айр?

— Да.

— Часто ли?

— Я не знаю...— У Скотти понемногу развязывался язык, но глаза были прикованы к отцу, словно он не решался смотреть по сторонам.— Два или три раза.

— Это было случайно? Или твой пони Тэфф всегда кусал тебя?

— Да. Только это были не настоящие укусы. Он всегда подстерегает, когда ты зазеваешься, и вдруг сотворит что-либо, чего и не ждешь от него. Бывало, я забуду об этом, а он меня цапнет.

— Как это — цапнет? — спросил отец.

— Ну, опустит голову и укусит меня за голую ногу. А потом смеется.

— Что это значит — «смеется»?

— Так, как все лошади смеются.

— А ты не возражал против того, чтобы он устраивал тебе такие штуки?

— Нет. Я и сам устраивал ему то же самое.

— Что еще он обычно делал?

— Он опрокидывал кормушку с сечкой.

— А пони, что здесь в загоне, тоже делает это?

— Нет. Он не может. Кормушка прибита гвоздями.

— Тогда что же он еще делает?

— Опрокидывал раз или два жестянку с водой.

— А что ты делал с Тэффом, когда он начинал так безобразничать?

— Давал ему тумаков.

— Крепко?

— Иногда да.

[1] Шутливое обращение к подросткам и юношам.

— То есть как, палкой?

— О нет! Рукой.

— Подними руку, чтобы все могли видеть, мастер Пири.

Скотти протянул худую, маленькую руку.

— Да, тут не о чем беспокоиться,— пробормотал отец, потом вздохнул и сказал, словно это только сейчас пришло ему в голову: — Теперь, мастер Пири, скажи: если бы ты потерял так или иначе своего Тэффа, хотел бы ты, чтобы тебе дали другого пони?

— Нет, я хочу только Тэффа,— вздрогнув, сказал Скотти.

— Ты не хочешь другого пони?

— Нет, я хочу только Тэффа,— сказал Скотти и насупился, словно мой отец начинал уговаривать его отказаться от Тэффа.

— Мистер Айр уже великодушно предлагал тебе любого пони из своего табуна.

— Нет! Я хочу Тэффа — и все! — В голосе Скотти слышалось нарастающее отчаяние, он, видимо, и впрямь стал убеждаться, что отец отступился от него.

— Почему? — вдруг спросил отец.— Почему ты хочешь только Тэффа?

— Это мой пони,— возмущенно сказал Скотти.— Вот почему.

Мой отец сел на место, и его сменил мистер Страпп. Я думаю, что все в зале ждали этого вопроса, который Страпп сейчас задаст мальчику.

— Как у тебя оказался этот пони? — спросил Страпп.

— Я купил его,— ответил Скотти.

— Я спрашиваю, как у тебя оказался пони, что сейчас стоит в полицейском загоне?

— Я купил его,— повторил Скотти, с неприкрытой ненавистью глядя на Страппа.

— Да нет, я хочу сказать: позднее. А ты не взял его как-то по-другому?

— Протестую! — резко, во весь голос заявил отец.— Мой оппонент требует от моего клиента, чтобы он в косвенной форме обвинил себя.

— Но, ваша честь, это же жизненно важный вопрос! — воскликнул Страпп.

— Я дал указания Скотту Пири говорить только о том, что пони был куплен им, и это все, что он скажет,— подчеркнул мой отец.

— Вы не должны ставить вопросы, ведущие к самообвинению, мистер Страпп,— сказал судья.— Вы сами это хорошо знаете.

Выслушав, Страпп только раздраженно пожал плечами. Раз ему нельзя прямо спрашивать у Скотти, украл ли он пони, тогда бесцельно вообще допрашивать его. И он жестом дал понять, что Скотти может вернуться на свое место.

Теперь все выглядело так, будто слушание дела закончено. Но, несмотря на то, что отец обезвредил аргументацию противной стороны, я все-таки видел, что решающие действия останутся теперь за Страппом. В конце концов Скотти лишился своего пони много месяцев тому назад. И вдруг оказывается, что пони снова у него, и он даже приводит пони через очень короткое время после того, как был украден пони у Джози. Это и было реальным доказательством, хотя пока никто о нем не упомянул на суде. Нейтрализовав все остальное, мой отец вынужден был оставить нетронутым это доказательство, значащее, однако, больше, чем все свидетельские показания. Это явно шло на пользу Джози Айр.

Но отец, оказывается, еще не кончил. Видимо, он заранее знал, что на суде сложится именно такая ситуация и что ему так или иначе придется выходить из этого затруднения. И вот, получив заключительное слово, он начал:

— Я старался показать, что нет абсолютно никакой надежды для обеих сторон привести такие доказательства, которые бы уверили всех нас, что этот пони есть Бо, принадлежащий мисс Айр, или же он Тэфф, владельцем которого является Скотт Пири. Это безнадежно! И я полагаю, что совершенно исключается любое конкретное решение суда на основе тех доказательств, которые приводились здесь. Собственно говоря, любое решение было бы явно неверным и несправедливым...

— Но тогда, мистер Квэйл, скажите: что же вы просите суд решить? — спросил судья.

— Ничего,— сказал мой отец.

Ничего... Снова зал замер, как в столбняке. Ничего! Даже Страпп вскочил обалдело, а Эллисон Айр с видом полного недоумения развел руками.

— Потерпите еще минуту, ваша честь,— продолжал отец.— Здесь, в Сент-Хэлен, мы еще живем в стране лошадей. Я уверен, что и вы, ваша честь, чувствуете, как чувствуют здесь и все другие, что мы являемся живой частицей того, что можно было бы назвать австралийским культом лошади. Более того, этот суд не в большом городе. Это сельский суд, в котором дела подобного рода — о лошадях, фермах, овцах, рогатом скоте — прямо вытекают из нашей деятельности, нашего труда...

Отец замолчал, как бы для того, чтобы перевести дыхание, но я понял, что это — для усиления эффекта.

— Но какой именно особый подход к делу вы имеете в виду? — спросил судья.

— Я считаю, что мы должны призвать на помощь естественное правосудие!

— Что вы этим хотите сказать?

— Естественное правосудие,— нарочито медленно повторил отец,— и есть та серебряная нить, которая пронизывает собой все наше обычное право, и иногда мы бываем вынуждены прибегать к помощи естественного правосудия. Это я и предлагаю сейчас.

— Тогда, может быть, вы раскроете наконец конкретное существо вашего предложения, мистер Квэйл?

— Поскольку мы не можем должным образом решить, кому принадлежит интересующий нас пони, я предлагаю суду создать условия, при которых сам пони мог бы решить это.

Словно мощный взрыв потряс зал суда, разбившись тут же на десятки мелких взрывов смеха. Страпп подпрыгнул на своем стуле, потом вскочил на ноги, размахивая руками и что-то крича; в общей суматохе я различил голос Джози Айр, которая кричала отцу: «Что он сказал? Что случилось?..» Судья откинулся на спинку кресла и принялся стучать карандашом по столу, а пристав безуспешно призывал аудиторию к порядку.

— Но послушайте, мистер Квэйл,— заговорил судья, когда установилось нечто вроде порядка,— объяснитесь, пожалуйста. Иначе...

— Это очень простое предложение, ваша честь, хотя я и должен подчеркнуть, что не обсуждал его с моим клиентом и вообще не советовался ни с кем. Но поскольку обе наши юные тяжущиеся стороны убеждены, что каждый из них есть владелец пони, и раз уже есть, что даже мудрому Соломону не найти тут правильного решения, почему не создать условия, при которых пони сам сделает свой выбор?

— Но как?! — Гулкий вопрос Страппа будто вылетел из глубины его круглого живота.

— Как? — переспросил отец, словно еще не додумал этого до конца; но я уже знал, что все у него рассчитано заранее.— Ну, скажем, суд укажет какую-нибудь открытую территорию, где мы сможем создать эти самые условия...

— Ради создателя, ваша честь!..— перебил его Страпп с видом невинного страдальца.

— Продолжайте, мистер Квэйл,— сказал судья.— Какие именно условия вы представляете себе? И как они помогут лошади высказать свое мнение по данному делу?

— Это не так трудно объяснить, ваша честь,— сказал отец, словно приглашая судью себе в союзники.— Ну, например, окруженное веревкой место, где будет ждать пони; затем — узкий проход для пони, чтобы он мог пройти дальше; и, наконец, такая же огороженная территория побольше, в разных углах которой будут сидеть наши юные соперники. Пусть они оба зовут к себе пони, и пусть пони сам решит, к кому из них ему идти. Такой случай описан даже в классической мифологии...

— Не надо классической мифологии! — отмахнулся судья.— Но идея достаточно ясна сама по себе.— Судья уже смотрел на отца повеселевшими глазами страстного лошадника и привычного игрока на бегах.— Я допускаю, что это — интересное и даже интригующее предложение, но сработает ли оно? И, кстати, примет ли его мистер Страпп и его клиент? Согласится ли ваш собственный клиент?

— Я думаю, что смогу убедить моего юного клиента согласиться,— сказал отец.— Кроме того,— он повернулся к залу и посмотрел на Джози,— все присутствующие оценили ум и твердый характер мисс Айр; я уверен, она тоже согласится, что это честный путь для решения интересующего всех нас вопроса.

Поднялся Страпп и сказал, что должен проконсультировать предложение со своими клиентами.

— Вы желаете, чтобы суд объявил перерыв, мистер Страпп?

Но Эллисон Айр уже втолковывал что-то Джози и своей жене. Я видел, как Джози энергично кивает головой и говорит: «Да. Да. Да».

— Ваша честь,— заговорил Эллисон Айр.— Могу я подойти и обменяться двумя словами с мистером Страппом?

— Пожалуйста.

Гул разговоров в зале суда походил теперь на шум поезда, подъезжающего к станции. Зрители горячо спорили, пререкались, но судья не мешал этому. Эллисон совещался со Страппом, мой отец объяснял что-то Скотти и его отцу. Я видел, что Скотти все сильнее сжимает губы. Но он все-таки сказал: «Ладно, пусть так, если и она согласна».

— Ваша честь! — проквакал Страпп лягушачьим голосом.

Шум сразу стал стихать.

— Ваша честь! Мы считаем, что это не есть достаточно продуманная процедура, но при сложившихся обстоятельствах мои клиенты решили согласиться с внесенным предложением, при условии, что оно будет тщательно организовано судом и обеими сторонами и что это будет настоящим заседанием данного суда.

— Мистер Квэйл,— спросил судья.— Вы, очевидно, советовались с вашим клиентом. Он дал согласие?

— Без колебаний,— сказал отец.— И я думаю, что замечания мистера Страппа являются приемлемыми.

Судья потер верхнюю губу, как бы выражая этим свое удовлетворение, но не забывая о необходимой сдержанности.

— Что ж, я полагаю, что это — честное спортивное предложение,— заявил он.

Я уже понимал, на что столь хладнокровно рассчитывает тут отец. Он делал ставку на исконную австралийскую увлеченность, на инстинктивное тяготение жителей Австралии к спортивному решению любого дела. Оглядываясь на судебный зал, я почти был уверен, что в каждой из пары глаз уже загорается ожидание острых спортивных переживаний. Да, коренному австралийцу трудно противостоять этому чувству! И я решил, что оно захватит даже Джози Айр, ее родителей, Скотти, мисс Хильдебранд (нашу «птичку») и, конечно, нас с Томом... Но... только не моего отца. Он просто все заранее спланировал, руководствуясь своей любимой «внутренней логикой», а это было для него важнее всего.

— В таком случае,— подытожил судья,— я откладываю слушание дела и прошу мистера Квэйла и мистера Страппа посовещаться со мной в здании суда с приглашением сержанта Коллинза и судебного пристава мистера Куффа. Мы выберем подходящее место и разработаем нечто вроде спортивных правил для данного случая. А потом я соберу суд в установленный день и на условленном месте, где мы все обратимся за помощью к тому, что мистер Квэйл так удачно назвал серебряной нитью естественного правосудия.

Окончание следует.

Перевел с английского Л. Чернявский.

К 150-летию со дня выхода в свет альманаха «Полярная звезда»

Высокий и чистый свет

Звезда, именуемая Полярной, как известно, самая яркая на ночном небосклоне. Ее не спутаешь с сестрами, ибо она всегда стоит у путника над головой, проливая на его дорогу путеводный свет. Такой именно свет должен был излучать, по замыслу создателей, альманах «Полярная звезда».

Издатели его — А. А. Бестужев и К. Ф. Рылеев, будучи членами Вольного общества любителей российской словесности, имели перед собой вполне конкретную и определенную литературную цель. «При составлении нашего издания... мы надеялись, что по своей новости, по разнообразию предметов и достоинству пьес, коими лучшие писатели украсили «Полярную звезду», она понравится многим... Подобными случаями должно пользоваться, чтобы по возможности более ознакомить публику с русскою стариною, с родною словесностию, со своими писателями»,— излагал свою концепцию Бестужев уже после выхода в свет первой книжки альманаха.

Но была еще одна цель издания, о которой, конечно, нельзя было говорить так прямо и открыто. Шел 1823 год — время наиболее активной пропаганды декабристской идеологии. Важно было не только расширять сети тайных обществ, но и провести в возможно более широкие слои читающей публики идеи гражданственности и общественного долга. Задача эта была возложена на «Полярную звезду». Таким образом, с одной стороны, новый альманах должен был утвердить самобытное народное слово, с другой — будить передовую мысль.

Успех издания был поистине грандиозным. Весь тираж разошелся за неделю, а уже на следующий, 1824 год пришлось печатать 1 500 экземпляров — вовсе не виданная цифра для журналов и альманахов того времени! Впрочем, успех этот был не случайным. Издателям удалось привлечь на свою сторону лучшие литературные силы двадцатых годов — Ф. Глинку, Жуковского, Д. Давыдова, Дельвига, Боратынского, Вяземского, Туманского, Батюшкова, Кюхельбекера, Плетнева, Козлова, Языкова, Хомякова, Крылова, Пушкина. Страницы альманаха украсили прелестнейшие жемчужины отечественной поэзии: «Гречанке» и «Элегия» Пушкина, русские песни Дельвига, «Иван Сусанин» Рылеева. Привлекали внимание читающих ежегодные литературные обзоры Бестужева. Конечно, в условиях тогдашней цензуры приходилось лавировать. Появлялись в альманахе произведения именитых сановников и консерваторов-шишковистов, но не это определяло дух издания.

Рабы, влачащие оковы,
Высоких песен не поют!..—

вот как смело, открыто и страстно звучал подлинный голос «Полярной звезды». Эти строчки, взятые из стихотворения Ф. Глинки, можно поставить эпиграфом ко всем трем вышедшим в свет книжкам.

Да, читатели успели получить только три «карманных книжки для любительниц и любителей русской словесности», но и они посеяли добрые семена. Не случайно на допросе по делу декабристов почти каждый привлеченный к ответственности и суду указывал, что в числе многих источников его гражданского воспитания была и «Полярная звезда». Она представляла такие пламенные, призывные произведения, как «Исповедь Наливайки» и «Войнаровский» Кондратия Рылеева. Дух свободы и «вольности святой» наполнял сердца читающих отрывки из поэм «Братья разбойники» и «Цыганы» Пушкина. Особое внимание уделяли издатели вопросам русской истории, тех ее периодов, которые связаны с борьбой за национальное освобождение, с общественным устройством государства. Так, темы новгородской вольницы, деятельности Петра I, истории донских казаков постоянные для авторов «Полярной звезды».

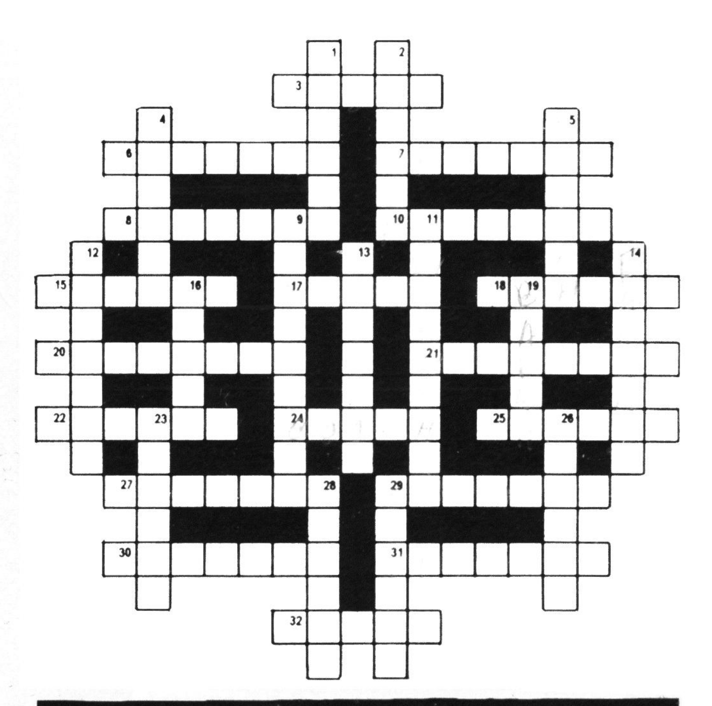
Предощущение событий 14 декабря уже витало в воздухе, потому пророчески прозвучали исполненные мужества строки одного из вождей декабризма, талантливого русского поэта К. Ф. Рылеева:

Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа,—
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?
Погибну я за край родной —
Я это чувствую, я знаю...
И радостно, отец святой,
Свой жребий я благословляю!

Роль декабристов в развитии русской общественной мысли безмерно велика. Говоря словами Герцена, это воины-сподвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и раболепия. Значение «Полярной звезды» — рупора идей этого «святого воинства» — не меньше. Но альманах был добрым и нужным началом еще во многих других отношениях. Он проложил путь к утверждению «альманачной», как выразился Белинский, формы, не привитой дотоле на русской почве (хотя отдельные попытки выпуска альманахов, конечно, были). Более того, Белинский даже утверждал, что «Полярная звезда» положила начало «альманачному периоду» русской словесности. Прогрессивным было введение и утверждение гонорарного метода оплаты авторских произведений, ибо этим было положено начало профессионализации труда писателя.

Высокого и чистого света «Полярной звезды» хватило не только на определенный исторический период: погашенный насильственно, он все же возгорелся тридцать лет спустя в руках Герцена и Огарева, продолжая уже на новом этапе освободительного движения традицию декабризма. Недаром на титульном листе этой «второй» «Полярной звезды», как суровый символ, были словно бы высечены барельефы пяти казненных в 1826 году!

Б. ПРИМЕРОВ

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Русский полярный исследователь. 6. Газета, издававшаяся А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. 7. Верхняя часть фасада. 8. Порт в Кении. 10. Неоконченная драма А. С. Пушкина. 15. Рыба семейства карповых. 17. Опера А. Г. Рубинштейна. 18. Штат в США. 20. Персонаж комедии Шекспира «Укрощение строптивой». 21. Русский народный танец. 22. Бечева, стягивающая концы лука. 24. Выставочное помещение. 25. Созвездие южного полушария неба. 27. Город в Грузии. 29. Французский композитор. 30. Пьеса А. Н. Островского. 31. Государство в Латинской Америке. 32. Древнегреческий скульптор.

По вертикали: 1. Сельскохозяйственная машина. 2. Пролив между Европой и Азией. 4. Птица. 5. Русский врач-терапевт. 9. Раздел грамматики. 11. Арифметическое действие. 12. Английский физик, создатель учения об электромагнитном поле. 13. Горный массив на Южном Урале. 14. Груз для увеличения веса судна. 16. Советский живописец и график. 19. Ящерица. 23. Самый крупный остров Курильской гряды. 26. Народный поэт Азербайджана. 28. Химический элемент. 29. Роман К. Седых.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7.

По горизонтали: 7. Парабола. 8. Перчихин. 9. Радуга. 10. Прадед. 11. Парад. 13. Псков. 15. Парик. 16. Ларга. 18. Пристли. 19. Гданьск. 20. Кенгуру. 22. Айсберг. 24. Шторм. 25. Дамба. 27. Нетто. 29. Алыча. 32. Есенин. 33. Курорт. 34. Каватина. 35. Конспект.

По вертикали: 1. Балансир. 2. Карузо. 3. Парча. 4. Спика. 5. Пижама. 6. Сибелиус. 11. «Поликушка». 12. Диаграмма. 14. Ветлуга. 15. Пуансон. 17. Ребро. 21. Еланская. 23. Риторика. 26. Бенуар. 28. Европа. 30. Лобан. 31. «Чайка».

На первой странице обложки: Злата Прага. Студентка строительного техникума Алена Габлова. Маленькая жительница города Банска-Бистрица. Строится пражское метро.

На последней странице обложки: На ежегодный конкурс бального танца в Карловых Варах собираются лучшие танцоры со всей республики.

Фото Ю. Кривоносова, А. Награльяна.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, Д. Г. БОЛЬШОВ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора) Л. М. ЛЕРОВ, Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

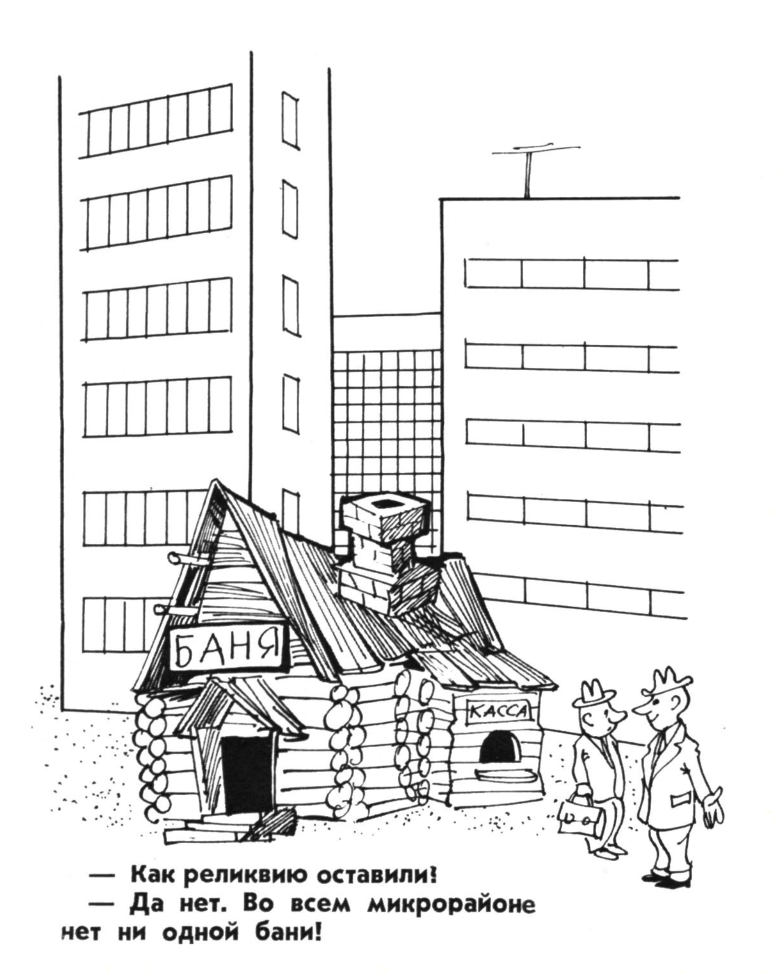
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА

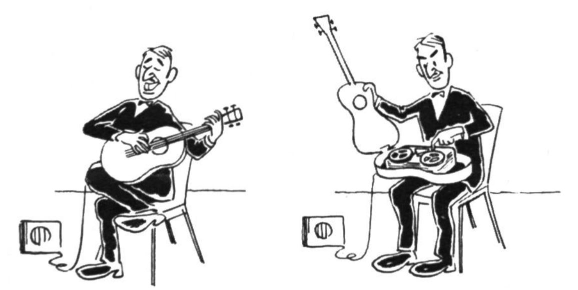
Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 250-46-83; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 29/I 73 г. А 00020. Подп. к печ. 13/II 73 г. Формат 70×108$^{1}/_{8}$. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 466. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 123.

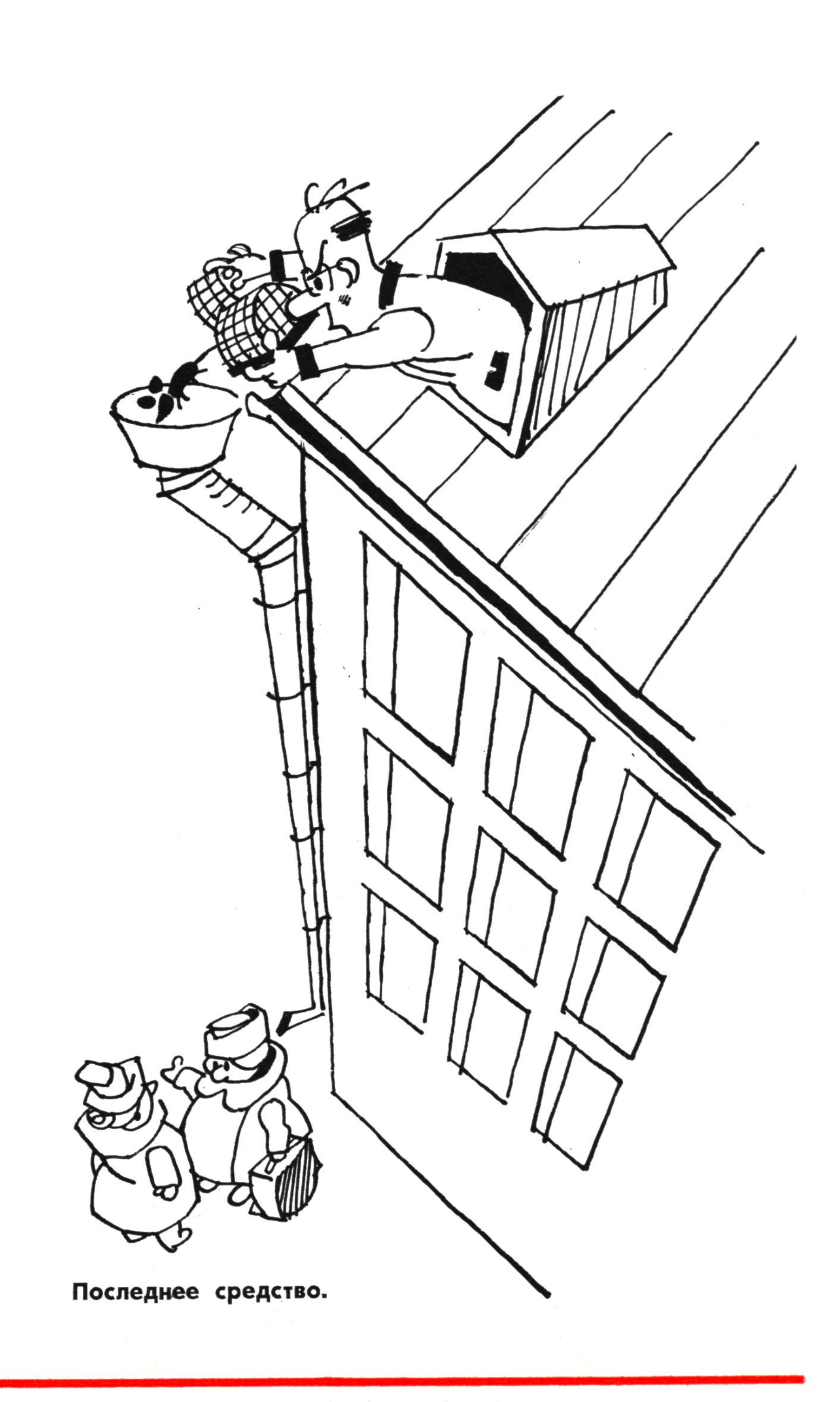
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

— Как реликвию оставили!
— Да нет. Во всем микрорайоне нет ни одной бани!

Секреты электрогитары.

Последнее средство.

Без слов.

— Посмотри, какой там свет на светофоре.

Перешла на технику!

Рисунки Б. Боссарта, И. Сычева, В. Соловьева, А. Алешичева, О. Ведерникова.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663